

Андрей Уланов
Никакой магии
Серия «Никакой магии», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4938008
Никакой магии : роман / Андрей Уланов: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-60624-5

Аннотация

Ночной город. Туман. Прохожие шарахаются от металлического чудовища – парового локомотива, созданного в мастерских гномов. Внутри его, как горошина в сухом стручке, болтается Фейри Грин – эльфийка и инспектор полиции королевства Арания. Фейри вызвали, чтобы установить причину смерти лорда Артура Бентинка, последними словами которого были: «пестрая ящерица». Следы убийцы инспектор Грин обнаружила сразу. Им оказался моховой ядозуб, точнее – редкая его разновидность, некогда выведенная эльфами. Но такие «пестрые ящерицы» не появляются в домах лордов сами по себе. Значит, кому-то выгодна смерть молодого сэра Артура? Фейри готова была выяснить это, но в расследование вмешался полковник Кард, командующий Ночной Гвардией, которая в Арании пользуется дурной славой. Впрочем, инспектор Грин не из тех, кого можно запугать особыми полномочиями...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	35
Глава 5	44
Глава 6	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Андрей Уланов

Никакой магии

Автор благодарит:

Александра Москальца, Дмитрия и Ирину Шеиных, Всеволода Мартыненко, Светлану Дмитриеву и всех остальных, помогавших в работе над этой книгой.

Отдельный низкий поклон – моей жене.

Глава 1

В которой инспектор Грин встречает незнакомца в черном.

– Городской совет еще год назад хотел поставить здесь новые фонари, – сказал идущий рядом со мной тролль. В надвинутой на лоб каске и форменном плаще он сейчас был похож на один из памятников старым королям – такой же огромный и величественно-мрачный. – Якобы. А потом кто-то из ратушных крыс решил, что это будет лишней тратой денег. Мол, здешние отбросы... кто живет здесь, те и без того видят в темноте.

– Понятно.

Формально я тоже относилась к категории «тех, кто видит» – сумеречное зрение эльфов значительно лучше людского. Но сейчас щедро приправленный смогом холодный туман сводил эту разницу к лишнему пруту в бесконечной железной ограде.

– Далеко еще, констебль?

– Уже почти пришли, м... – как обычно, тролль замялся, выбирая между человеческим «мисс» и эльфийским «вэнда» и, как обычно же, остановился на нейтральном: инспектор. – Вот нужный дом.

Там, куда указывала его дубинка, и впрямь что-то смутно темнело сквозь туман. Большое, уродливое, с типично рублеными прямыми линиями новогномской архитектуры – той, что создается безбородым еще десятником и кучкой орков и людей под лозунгами: «давай-давай», «скорей-скорей» и, главное, «ценой подешевле».

– Где именно нашли тело?

– На лестнице, между вторым и третьим этажом.

Значит, придется заходить внутрь. Ожидаемо... но еще в доброй дюжине ярдов от здания рука сама потянулась к карману с платком. Жуткая какофония запахов – испражнений, немытых тел, гниющих отбросов, сивушных масел, жареной рыбы – обрушилась на меня, словно поток грязной воды из помойного ведра.

– Подождите... минуту, – выдавила я из себя.

Констебль остановился. Может, он и понял, в чем дело – в конце концов, чутье у троллей не намного хуже нашего. Но в любом случае инспектор полиции не может заходить внутрь, прижав к носу надушенный платок, словно жеманная людская девица. Поэтому вместо платка я достала трубку и кисет, чиркнула кремнем и затянулась. Вкусный запах вишневого табака хоть и не перебил вонь, однако сумел понизить ее уровень до почти терпимого.

– Теперь идемте.

Внутри не было и тени света – если говорить Высокой Речью, но, учитывая запахи, бормотание констебля: «осторожно, инспектор, темно, как у орка в...» мне показалось куда

уместнее. К счастью, тролль, во-первых, не стал изображать джентльмена и ступил на лестницу первым, а во-вторых, его сапоги издавали достаточно грохота, чтобы я могла подниматься хоть с закрытыми глазами.

– Сэр, это вы?

Что-то стеклянно лязгнуло пролетом выше, красновато тлеющая точка неожиданно стала ярче, вытягиваясь в язычок пламени. Даже не закрыв дверцу, стражник торопливо вытянул вверх руку с фонарем – и облегченно выдохнул, разглядев ответный блеск эмблемы на каске.

– Я, я, – ворчливо буркнул констебль, прикрываясь когтистой ладонью от луча, – а ты, Дикенрайт, опять казенное масло экономишь, чтобы отлить в конце дежурства?

– Нет, сэр, что вы...

– У него младшая сестренка опять болеет, – второй стражник стоял, прислонившись к стене, лицо в круг света не попадало, впрочем, характерное гоблинское затягивание шипящих говорило само за себя, – сэр.

– А тебя вообще никто не спрашивал, – уже спокойнее произнес констебль и, помедлив, спросил: – Правда, штоле?

– Э-э... да, сэр, – выдавил стражник и тут же согнулся в затыжном приступе кашля. – Виноват, сэр. Проклятая погода.

На мой взгляд, погода стала лишь последней каплей, превратившей молодого человека в бледный призрак самого себя. Изнуряющая работа и отвратительные условия обитания – уверена, бедолага ютится в какой-нибудь полуподвальной камерке с вечно сырыми стенами – в людских городах едва ли не самый прямой путь в могилу.

– После дежурства зайдешь ко мне, дам клюк... – тролль искоса глянул на меня и скомканно закончил: – Посмотрим там. Ну, показывайте, где... наш клиент.

– Здесь, сэр! – Дикенрайт, опустив фонарь, шагнул в сторону, открывая вид на кучу грязного тряпья.

– Не трогали?

– Что вы, сэр, как можно... мы ж инструкцию знаем. Как только нашли, сразу... я, значит, побежал свистеть, а Хикси остался следить, чтобы никто...

– ...не обобрал тело в четвертый раз, – закончил гоблин. – Хотя деньгами тут и не пахло с самого начала. Держу пари, покойник давно уже забыл, как выглядят шеллы, ну а золота он и вовсе никогда в жизни в руках не держал.

– По запаху определил, да? – согнувшись, тролль принялся разглядывать труп. – Говорят, ваша порода монету за милю чует.

– Только золото, констебль. На медь мы не размениваемся.

– Да уж, золото из тебя, как из... Эгей! Ну-ка... гляньте, м... инспектор, – обратился ко мне тролль, тыча в бурые, насколько можно было разглядеть, пятна, – уж не кровь ли?

– Кровь, – подтвердила я, – и два, нет, даже три ножевых пореза. Но им неделя или больше, а труп еще не начал разлагаться.

– По запаху определили, вэнда? – в тон своему начальству хмыкнул гоблин. – По мне, так он и сейчас уже смердит, как мечта стервятника.

– Заткнись, Хикси, – не поворачиваясь, рыкнул констебль.

– Порезы длинные, но крови сравнительно мало, – уверенно сказала я. – Значит, работали на размахе, скрэббом¹, – гоблин презрительно фыркнул, но смолчал, – или чем-то похожим. Выпад прямым клинком в точку верхнего пореза почти наверняка задел бы сердце.

– Если так, отчего же он помер?

---

¹ Изогнутый нож длиной не более 5–7 дюймов, излюбленное оружие гоблинов.

– Док осмотрит, скажет, – равнодушно произнесла я. Мне было скучно, потому что работой – в смысле, *настоящей* интересной работой, а не унылым отбыванием повинности – здесь и не пахло. Пахло другим – и я поспешно вдохнула очередную порцию вишневого дыма.

– Дом убил его, – неожиданно сказал гоблин.

Я удивленно глянула на стражника. Не то чтобы я придерживалась людской веры в прирожденную тупость представителей этой расы, однако склонность к философии среди них встречается очень редко. Дом его убил, надо же. И ведь не поспоришь – несчастного действительно убила эта уродливая каменная коробка.

Кажется, именно ее назвал «приютом счастливых» тот чахоточный поэт, казавшийся изможденным стариком в неполные девятнадцать? Не помню... да и какая разница?! Этих «приютов» только в нашем предместье, наверное, не меньше пяти сотен – одинаково безликих доходных домов, набитых от подвалов до последнего закутка на чердаке. Впрочем, для тех, кто вырвался сюда с правого берега грязного ручья, незаслуженно громко именуемого «притоком», даже здешние конуры мнятся фешенебельными апартаментами. Там покойников собирают из сточных канав и никто не утруждает себя вопросами о причинах их смерти.

– Говорят, – решился нарушить повисшую тишину Дикенрайт, – в центральном дивизионе теперь есть летающая санитарная карета. Не успеешь в свисток дунуть, а она уже тут как тут.

– То в центральном, – лениво произнес гоблин, – до наших окраин эдакий прогресс доберется не скоро... если вообще доберется.

– Меня больше волнует, когда до нас доберется доктор Уилки, – сказал тролль. – Надеюсь, его не придется ждать два часа, как на прошлой неделе.

– Не придется, – пообещал гоблин, – он вот-вот будет. Слышите... цок-хр-цок-хр-цок-хр. Двуколка дока.

– Уверен?

Гоблин пренебрежительно фыркнул.

– Скрип евойных рессор ни с чем не спутаешь. Правая вот-вот треснет.

«Надеюсь, что он прав и это и впрямь док», – подумала я, плотнее закутываясь в плащ. С отоплением в доме было не лучше, чем с освещением – несколько жалких печурок могли согреть разве что прижавшихся к ним клопов. А ночной холод, взяв сырость в союзники, тем временем помалу просачивался сквозь казенное сукно.

– Пойди встретить дока, Хикси, – приказал тролль. – А то в таком тумане он может и мимо проехать.

– Как прикажете, констебль.

Гоблин отклеился от стены и зашагал вниз по лестнице. На миг я удивилась, почему тролль не приказал встретить доктора Дикенрайту с его фонарем, но потом вспомнила, что у доктора на двуколке должен быть свой. И в самом деле, не прошло и минуты, как внизу, вслед за хлопнувшей дверью, появилось желтое дрожащее пятно, а в воздухе ощутимо пахло карболкой и нашатырем.

Доктор Уилки выглядел неважно – мешки под глазами, мятый сюртук, из-под полы которого предательски белел край сорочки... если следовать людской поговорке насчет вида врача и качества лечения, то пациентам стоило бы обходить флигель дока за три квартала. Впрочем, даже среди эльфов мало кто, будучи разбуженным среди ночи, выглядит свежим и бодрым. Ночь создана для сна... и для желающих подзаработать двойную ставку.

– Доброй ночи, сэр, – пробасил тролль.

– Доброй, доброй, констебль... о, мисс Грин, и вы здесь? – доктор заулыбался, но почти сразу же проблеск веселья сменился раздражением: – Констебль, что за шутки?! Зачем вам нужен я, если у вас есть Перворожденная?

– Затем, – назидательно, словно читая проповедь малолетнему беспризорнику, произнес тролль, – что заключение о смерти должно подписать лицо с медицинской лицензией либо приравненное к оному.

– Идиотизм, – доктор зевнул, даже не потрудившись прикрыть рот, – на марше. Как всегда и везде в нашем благословенном королевстве. Ладно, давайте посмотрим, что у вас на этот раз. Поднимите фонари повыше.

Присев на корточки рядом с трупом, док с минуту разглядывал его, затем довольно бесцеремонно перевернул спиной вверх – тролль издал при этом что-то вроде «ым», но этим и ограничился – задрал вверх рубашку на трупе и быстрыми уверенными движениями прощупал спину, от ключиц и выше.

– У него сломана шея. И ничего больше.

– Точно ничего? – перепросил тролль. – Никаких следов насилия, синяков и прочего?

– Этого добра на нем хоть отбавляй, – Уилки встал и принялся старательно вытирать руки марлей, пропитанной спиртовым раствором, – но ничего настолько свежего, что можно соотнести по времени со смертью. Так что если вам нужно мое мнение по поводу причин смерти бедолаги, то, – доктор махнул лоскутом в сторону лестницы, – вот она, убийца, прямо перед вами. Темнота, усталые мышцы, возможно, кружка-другая джина или еще какого-нибудь гнусного пойла, и вот вам результат.

– Его могли толкнуть.

– Могли, – равнодушно произнес Уилки, – запросто. Но здесь уже начинается ваша работа, констебль. Свое дело я сделал... и, замечу, мог бы сделать, не вылезая из постели – коль скоро вам требовалась лишь моя лицензированная закорючка на свидетельстве.

– Вообще-то вам платят, – напомнил констебль, – по три шелла за выезд, если я правильно помню.

Некоторое время доктор молча глядел на него.

– Да, вы совершенно правильно помните, – наконец сказал он, – за осмотр здешних покойников королевская казна выплачивает мне целых три шелла. И ни одного – за выезд к больным детям в эти же дома. Лично я нахожу эту систему не совсем правильной, констебль. А что думаете вы? И вы, прекрасная леди?

Прекрасная леди сделала мысленную стойку – прежде за доктором подобных высказываний не замечалось. Конечно, работа в здешних местах, как выясняется, даже из гоблинов делает записных философов, но все же интересно – сам Уилки дошел до таких мыслей или ему кто-то помог? Если окажется, что на моем участке завелся крупный зверь из породы политических – всех этих анархистов, нигилистов и прочих социалистов, – это будет похуже, чем гнездо черных гадюк.

– Я нахожу, что в День Сотворения Единый забыл спросить моего совета, – медленно произнес тролль. – Подозреваю, что мнением инспектора Грин также не поинтересовались.

* * *

Вернувшись в участок, я прежде всего велела дежурному констеблю подкинуть угля в печь. И лишь вдоволь оттаяв, поднялась наверх, в *свой* кабинет – пусть он и являет собой крохотную, три на полтора ярда, комнатку, но все же он мой, *отдельный*. В полной мере оценить прелесть обладания таковым богатством способен лишь тот, кто почти два года довольствовался письменным столом в переполненной клерками зале, да и то – напололам со сменщиком. В собственном же кабинете можно было наконец-то развесить по стенам полдюжины мешочков с ароматными травами, втиснуть между стопок мохнатых от пыли папок любимое плетеное креслице, в котором так приятно свернуться, укрывшись пледом, и на долгие часы ночного дежурства погрузиться в блаженную полудрему. Теплую и сонную

тишину лишь изредка нарушают шаги дежурного внизу или его храп, редкий стук подков по мостовой за окном, немелодичные вопли припозднившихся гуляк из трактира Иеремии, какой-то странный шум, становящийся все громче...

Сонная дремота слетела с меня вместе с пледом. К участку что-то приближалось. Что-то, завывавшее и грохотавшее, словно сошедший с рельсов поезд. И очень быстрое – только я сумела выбраться из-за стола и подойти к окну, как источник звуков уже оказался на соседней улице Спящих Великанов... вылетел на перекресток с нашей Первой Таможенной, лихо развернулся, мазнув по окнам ослепительным снопом луча и задев чем-то железным фонарный столб. Прогрел еще сотню ярдов и остановился напротив участка, пронзительно свистнув напоследок.

Что ж, насчет поезда я почти угадала – нарушителем ночного покоя оказался локомотив. Причем не привычная коляска с трубой, а очередное чудо современной техники: гномская «сколопендра», состав из мини-паровозика и такого же крохотного «однокупейного» пассажирского вагончика. С новоизобретенными же «перематывающимися» рельсами. В предпоследнем дайджесте суперинтенданта сообщалось, что шеф полиции приобрел два таких локомотива для «испытаний и определения полезности оных», но все равно – увидеть один из них здесь, на окраине, да еще среди ночи я ждала, пожалуй, меньше, чем визита Королевы.

Громко лязгнула дверца, тяжелые шаги протопали по крыльцу. Я едва успела отпрянуть от окна, как дверь в кабинетик распахнулась и на пороге вырос черный от сажи юный полугном со значком специального констебля на кожанке и взглядом бешеной селедки. Вместе с ним кабинет захлестнула волна запахов – горячей меди, угля, касторового масла и... карандашей?! Конечно же, нет, мысленно поправила я, углядев пятна на краях, всего лишь графитовой смазки.

– Инспектор Фейри Грин?! Вас вызывает суперинтендант Ходжсон, СРОЧНО!

От рывка у меня в голове что-то щелкнуло, после чего мозг словно разделился на две части. Одна взяла на себя управление текущими делами: запереть стол, накинуть плащ, на бегу крикнуть сержанту Кронину, что тот остается за старшего в участке, подскочить к вагончику, запрыгнуть внутрь, а вторая часть усиленно думала какую-то мысль. И лишь когда локомотив, протяжно взыв и окутав улицу облаком пара, сорвался с места, наконец-то перевела мое чувство глубочайшего изумления во фразу: «За каким лесным духом я ему понадобилась?» Я произнесла ее вслух и достаточно громко, но услышать и ответить было некому.

Гномская повозка неслась по ночным улицам с совершенно безумной скоростью – миль двадцать пять в час, не меньше. Редкие прохожие вжимались в стены домов, еще более редкие экипажи сворачивали куда попало, лишь бы убраться с пути режущего, свистящего и плюющего паром и искрами стального чудовища с ослепительным глазом-прожектором на крыше. Яркий луч буквально выжигал туман, высверливая в белой пелене длинный тоннель, сжатый по бокам черными рядами зданий. Счастье, что ночью улицы пустынные... Впрочем, одну замешкавшуюся тележку зеленщика мы все-таки снесли – в заднее окошко я успела разглядеть, как по тротуару раскатывается уйма то ли мелких яблок, то ли крупных слив.

Настоящий кошмар начался, когда локомотив выскочил на набережную Трех Королей. Здешняя брусчатка была... она была... в моем родном языке для этого вида неровности имелось особое прилагательное, но перевести его на человеческий без потери смысла довольно сложно. «Вся-усыпанная-бородавками-задн...»... стукнувшись головой о крышу вагончика, я некстати вспомнила фразу из дайджеста про «подвеску новейшего типа, обеспечивающую невиданную доселе плавность хода», выругалась, едва не прикусив себе язык, и вцепилась обеими руками в ременную петлю на дверце. «Сколопендра» вошла в поворот с

лихим креном на правый борт и тут же с ревом и скрежетом принялась карабкаться *по лестнице* Цветочного моста. Ужас... а ведь мост для экипажей всего лишь в трех сотнях ярдов дальше... о, нет, снова булыжник! Ой-ой-ой-ой...

Кажется, минула целая вечность, пока локомотив не остановился. И уж точно подлинным чудом было, что я сумела вывалиться наружу без посторонней помощи... и удержав на месте ужин.

– Инспектор, вы в порядке?

Нет! – очень захотелось крикнуть мне, но раскрыть рот я так и не решилась, ограничившись кивком. Что ж, по крайней мере, красные и желтые пятна перед глазами перестали водить хороводы, превратившись во вполне обычные розы. Определенно, мне похорошело... но все-таки столб лучше пока не отпускать. Хороший, можно даже сказать, отличный столб. И не с какой-то там тусклой керосинкой, а с яркой электрической лампой. Эх, а ведь туманы на острове Айл по сравнению с нашей окраиной – так, не туманы, а легкое помутнение воздуха.

– Вас просят пройти в дом, инспектор, – неуверенно сказал стоящий рядом сержант. Он тоже явно сомневался в моей способности куда-либо двинуться без поддержки. – Суперинтендант Ходжсон ждет вас.

– Ыгым.

Я все-таки смогла выпустить столб и не упасть. Меня лишь качнуло, как назло – прямо на проклятый локомотив, прикидывающийся невинным ярмарочным паровозиком для детворы. У-у-у, зараза... нет, положительно, эльфы не созданы для перевозок в этих железных коробках, да еще с такой бешеной скоростью. А если гномам так уж хочется ставить на ком-нибудь опыты, то в мире более чем достаточно орков, гоблинов и людей.

– Вам помочь, мисс?

– Спасибо, но... я сама... – *«вы разве не видите, сержант, я уже почти могу ползти?!»*

К счастью, калитка рядом с воротами оказалась распахнута настеж – литую чугунную дверь успешно заменял собой рослый стражник, догадавшийся уйти с пути моего долобового тарана. Зато открывшийся за калиткой вид разом заставил меня позабыть об ужасах путешествия в гномской эльфотряске и начать крутить головой на все четыре стороны, не забывая и про верх.

Это был сад – сравнительно небольшой и, конечно же, не эльфийский, но, клянусь, кое-кому из ландшафтных дизайнеров Высоких Ветвей не помешало бы взять у его создателя десяток-другой уроков. Никаких строгих линий или резких границ между цветами. Разноцветные шары газовых светильников мягко светили не с привычных столбов, а сквозь листву декоративных фруктовых деревьев – по большей части яблонь, хотя у самого дома их разбавляли нежные тона вишен, а в глубине сада темнело что-то похожее на орешник. Из цветов же хозяин сада явно предпочитал розы всевозможных видов: плетистые, кустовые, парковые, почвопокровные, от ярко-красных до темно-бордовых и от лимонно-желтых до сливочно-белых. Розы стелились по земле, карабкались вверх по деревьям и сеткам, спланивались неприступной стеной кустарника и вновь рассыпались на отдельные крохотные кустики. Прочие растения терялись на их фоне, хотя для опытного глаза было видно, что и их кажущийся беспорядок тщательно продуман: многолетники дополнялись травами, злаками, какими-то и вовсе экзотическими горными деревцами-пигмеями. А нарушали общую гармонию лишь странные тропинки – следы стада идиотов, с неожиданной яростью поняла я, когда на моих глазах один из них, раздвигая дубинкой кусты, с хрустом прошлепал прямо по клумбе серебристой сантолины рядом с каменной дорожкой.

– Мисс инспектор...

Сержант не остался за калиткой, а решил сопроводить меня до дверей особняка – к счастью для меня и особенно для рыщущих по саду придурков. Я не так уж мало прожила

среди людей, но сейчас налет человеческой цивилизации во мне был тоньше, чем в день приезда в Клавдиум. Эти... существа... которые топчут... нет-нет-нет, Фейри Грин, нет-нет-нет. Возьми себя в руки, ты же взрослая девочка... никто и не думал будить в тебе бешеного эльфа этим зрелищем, тебя позвали сюда за чем-то еще. Успокойся, вдохни побольше воздуха и иди вперед, НЕ ГЛЯДЯ ПО СТОРОНАМ!

Причину моего вызова я увидела еще за десяток футов от двери благодаря застекленной веранде. Причине было лет двадцать семь – тридцать, человек, мужчина, темноволосый, в кремовом с черно-синим рисунком халате из набивного шелка... и еще не успел полностью окоченеть.

– А, наконец-то вы здесь, инспектор...

Суперинтендант Ходжсон со времени нашей последней встречи прибавил не меньше дюйма в окружности пивного пуза. Впрочем, судя по запыхавшемуся виду, почти лихорадочной смене цвета щек, на которых то появлялся, то пропадал румянец, и капелькам пота на лбу, сегодня ночью мистер Ходжсон имел шансы расстаться с немалой частью этого дюйма.

Кроме суперинтенданта – и, разумеется, покойника – на веранде находились еще трое. Один, человек лет сорока, с пышными бакенбардами, выглядел даже бледнее Ходжсона и нервно теребил рукав у ливреи. Наверное, слуга покойного хозяина... или гостя... нет, скорее все-таки хозяина – и, насколько я могла соотнести цвета ливреи с куцыми познаниями аранийской геральдики, сидевший за кофейным столиком труп относился к одной из младших ветвей Дома Бентинк. Благообразный джентльмен в мундире оказался птицей куда более высокого полета: место преступления почтил визитом лично мистер Уильям Парри, один из трех помощников комиссара столичной полиции. Последнего находившегося на веранде человека я не знала, хотя несколько раз видела его мельком в центральном управлении. На вид ему было лет сорок пять – пятьдесят, а прибавив характерную военную, точнее, кавалерийскую, осанку, я решила, что на покойника решил взглянуть майор Родерик Портмак, после выхода в отставку не выдержавший домосидения и напросившийся на пост старшего инспектора острова Айл...

– ...нам срочно требуется ваша помощь в качестве эксперта!

– Эксперта в какой области, сэр?

– В области... хм, как бы сформулировать, – Ходжсон задумался, – м-м-м, эльфийской. То есть, вернее будет сказать, в части животного мира.

– Животного мира? Но, сэр, я ведь не зоолог.

– Но, – суперинтендант уставился на мои уши с таким видом, словно собрался попробовать, а не приклеены ли они, – инспектор Грин, вы же... эльф!

Мысленно вздохнув, я решила, что не стоит пытаться здесь и сейчас читать мистеру Ходжсону лекцию о том, что далеко не все эльфы считают нужным удерживать в голове название каждой травинки.

– Я слушаю, сэр.

– Как видите, у нас тут имеется труп, – суперинтендант озабоченно покосился на столик, видимо, проверяя, не собрался ли мертвец ожить и уйти спать. – Речь, вне всякого сомнения, идет об убийстве, а учитывая личность покойного, положение в обществе... думаю, вы понимаете меня, инспектор.

– Не понимаю, – честно призналась я. – Мы с покойным не были представлены друг другу.

– Что? А, ну да, конечно. Убитый, – Ходжсон снова оглянулся, – сэр Артур Фредерик, лорд Бентинк. Младший лорд, разумеется, но тем не менее... сэр Артур, несмотря на молодость, занимал весьма ответственный пост, поэтому от нас ждут, что будут приложены все усилия...

Еще немного, и начну зевать, с отчаянием подумала я, вслух же почтительно произнесла:

– В таком случае, может, перейдем сразу к делу, сэ-эр?

– Что, что? – Ходжсон, похоже, собирался читать мне вводную часть лекции о человеческой аристократии еще минут пятнадцать, не меньше. – Да, вы правы, конечно. Итак, о деле: по словам дворецкого, – суперинтендант махнул рукой в сторону человека в ливрее, – сэ-эр Артур почти до полуночи задержался в кабинете, разбираясь с бумагами... он, как вы понимаете, был весьма занятой персоной. Закончив работу, молодой лорд спустился на веранду, чтобы перед сном полюбоваться садом и выпить чашку кофе с молоком.

– Кофе перед сном?! – не сдержалась я. Люди, конечно, весьма странные существа, но...

– Как нам сообщили, у сэра Артура имелась такая, гм, несколько эксцентричная привычка, – скороговоркой пробормотал суперинтендант. – Так вот, – вернулся он к прежнему тону, – дворецкий, Малкольм, принес ему кофе и удалился... точнее, он шел по коридору, когда услышал, что разбилась чашка, вскрик... и, разумеется, сразу бросился назад. Вот здесь, – Ходжсон многозначительно кашлянул, – начинается то, для чего мы вызвали вас, инспектор.

– Я очень *внимательно* слушаю, сэ-эр.

– Когда дворецкий вбежал на веранду, сэ-эр Артур был, по его словам, еще жив. Сидел, схватившись левой рукой за ладонь правой, бледный, с выпученными глазами. Увидев же слугу, он прохрипел что-то вроде, – суперинтендант еще раз кашлянул, на этот раз смущенно, – «пестрая ящерица», вытянул руку перед собой, словно пытаясь указать на что-то, скривился, как от сильной боли... и умер. В той самой позе, что вы видите.

– Пестрая ящерица? – недоверчиво переспросила я, от удивления даже забыв добавить «сэ-эр».

– Именно так он говорит, – подтвердил Ходжсон. – Хотите допросить его сами?

– Да... хотя нет, – я уставилась на распахнутое окно в остеклении веранды. Прямо под ним чернел небольшой, в два-три фута, лоскут земли. А что, если...

– Можно попросить, чтобы принесли мощный фонарь, сэ-эр?

– Да, конечно, все, что угодно, – Ходжсон бормотал еще что-то, но я уже была на полпути к двери. Только бы там уже не потоптался кто-то из этих ретивых служак, знаю я их повадки, о, Великий Лес, только бы...

Мне повезло. Крохотный островок свежескопанной земли сапоги бродивших по саду полицейских миновали. На нем виднелись вполне четко различимые при свете газовых шаров две цепочки пятипалых следов – к веранде и обратно. Упав на колени, я наклонилась почти к самой поверхности, тут же зацепившись взглядом за крохотное желтое пятнышко. Осторожно поддев ногтем, подняла свою находку повыше, к свету – и с трудом удержалась от вскрика, осознав, что невероятная, полубредовая догадка все-таки обернулась реальностью.

Белый луч ударил по глазам, высекая из них дорожки слез, обжигая даже сквозь вскинутые руки...

– Вниз свети, болван! – рявкнул откуда-то из-за слепящего ореола уже знакомый мне голос. – На землю, а не на леди!

– Виноват, сэ-эр!

Световой сноп упал вниз, оставив на память о себе радужные круги перед глазами. Но чешуйка на ногте удержалась – бесценная улика... а чего, собственно? Ой, нет, ой-ой-ой...

В какой-то миг я почти решила затереть следы – и сейчас под лучом фонаря это было еще вполне возможно. Вряд ли полицейские уже успели разглядеть мелкие отпечатки и слова, что я просеиваю землю в поисках улик, прозвучали бы вполне правдопо-

добно. Только... миг прошел, решимость испарилась, сменившись удивлением – неужели я и вправду хотела солгать?

* * *

Суперинтендант посмотрел на чешуйку с таким видом, будто я предложила съесть ее.

– Нашли убийцу?

– Если быть совсем точным – неоспоримо уличила, сэр, – доложила я. – Перед вами чешуйка мохового ядозуба. Он действительно имеет пеструю окраску – желтые пятна на темном фоне.

– А-а... тварь вправду настолько ядовита, чтобы от ее укуса за считанные мгновения умер молодой здоровый мужчина? – недоверчиво спросил майор Портмак.

– В некоторых случаях, – вздохнула я. Эта часть моего доклада была самой неприятной, но промолчать, как я отчетливо понимала, уже нельзя, да и бессмысленно – правда всплыла бы через пару дней, если не часов.

– Яд обычной дикой ящерицы смертелен лишь для ее привычной добычи, мелких грызунов. У более крупных существ последствия ограничены сильной болью и отеком в месте укуса. Но в прошлом веке одна из Высоких Ветвей проводила опыты по выведению более опасной разновидности.

Для чего именно моим сородичам потребовалось выводить данную разновидность, я уточнять не стала. Да этого и не требовалось – судя по тем понимающим взглядам и кривым ухмылкам, которыми обменялись слушатели. В прошлом веке – а также в позапрошлом и далее – отношения между королевством Арания и Лесным Союзом Триникли были, мягко говоря, далеки от добрососедских.

– Весьма-а-а интересная информа-ация, – задумчиво протянул мистер Парри, – особенно с учетом, гм, позиции Дома Бентинк по некоторым вопросам.

– Отдельных представителей Дома Бентинк, – не преминул уточнить Портмак, – насколько известно мне, сэр Артур старался держаться в стороне от упомянутых «некоторых вопросов».

– Вам известно, майор, – с нажимом произнес Парри, – а вот было ли ведомо, гм, сородичам инспектора Грин? Если, как она утверждает, подобные ящерицы есть только у них...

– Простите, сэр, – быстро сказала я, – но как раз ничего подобного я не утверждала.

– Но вы же сами сказали...

– ...что данную разновидность рептилий эльфы вывели в прошлом веке, только и всего! – громко произнес человек, стоящий у двери. Как и когда он вошел, не заметил никто из присутствующих, включая меня – что само по себе было весьма примечательным фактом.

– Неужели непонятно? За столько-то лет и сами ящерицы – а уж тем более яйца – могли попасть в любые руки. Их выводили в рамках плана еще первой «линии Кустаа», верно?

Я механически кивнула, от удивления даже не сообразив, что выдаю одну из «корневых тайн» Лесного Союза. Впрочем, судя по сказанному, не очень-то уже тайных тайн.

– Этих яиц, – продолжил незнакомец, – было запасено несколько тысяч, если не десятков тысяч – и я ничуть не удивлюсь, если окажется, что после Кенненвильских соглашений наши лесные соседи попросту выбросили всю эту яичницу на свалку.

Полицейское начальство снова обменялось взглядами, на этот раз – исполненными непонимания.

Незнакомец подошел ближе. Высокий, сравнительно худой, лет – «неопределенно тридцать», как обозначала я данный подтип человеческой породы. Одет по южной моде, причем южной не в смысле «нижних» графств Арании, а южных стран – Ирридики, Мальсы и далее. Зауженный пиджак, обтягивающие брюки, длиннополый плащ, шляпа с более широ-

кими, чем принято в Клавдиуме, полями – все черное и тем больше оттеняющее лицо той степени бледности, что в среде аристократов именуется «интересной», а в кругах, близких к медицине, – «болезненной». В данном случае верней явно второе – из-за сочетания с красными «кроличьими» глазами. Пахло, впрочем, от незнакомца не медициной, а бергамотом, причем как раз того сорта, что добавляют в «императорскую воду».

– Э-э, мистер... – начал помощник комиссара, забавным образом смешав в голосе надменно-снисходительный тон и недоумение.

– Мистер Кард, – перебил его незнакомец. – Или полковник Кард. Или просто сэр.

– Послушайте, мистер, – возмущение помогло речи помощника комиссара набрать привычные обороты, – не знаю, что вам понадобилось, но должен заявить: ваше присутствие тут совершенно излишне. Королевская полиция, в моем и моих уважаемых соратников лице, проводит здесь...

– Ошибаетесь, – снова перебил его Кард. – Не мое, а ваше присутствие, как вы изволили выразиться, совершенно излишне. Кроме, – «кроличьи» глаза колоче сверкнули в мою сторону, отчего мне вдруг резко захотелось стать маленькой, незаметной и вообще оказаться где-нибудь не тут, – леди.

– Но сэ-эр...

– Именем и Словом Ее Величества, – в голосе полковника явственно лязгнула оружейная сталь, – я отстраняю королевскую полицию от дальнейшего участия в расследовании. Вот, – правая рука Карда скрылась под плащом и тут же появилась вновь с чем-то небольшим, овальным, льдисто блеснувшим, – подтверждение моих полномочий.

Бедный мистер Парри замер на полуслове с открытым ртом. И я хорошо понимала его чувства, поскольку тоже сумела разглядеть эмблему на жетоне полковника. Раскинувшая крылья летучая мышь с кинжалом в лапах была знаком Ночной Гвардии.

– Майор Портмак.

– Да, полковник? – старый вояка сориентировался быстрее остальных.

– Уберите ваших людей из дома и сада, – приказал Кард. – Внешнее кольцо пока пусть остается. Через полчаса сюда прибудет полуэскадрон красных гусар, они сменят вас в оцеплении.

– Будет исполнено, сэр! – отсалютовав, майор быстро развернулся и вышел на улицу, прямо с порога начав раздавать приказания. Следом, после секундного колебания, покинул веранду и суперинтендант Ходжсон.

– Что до меня, – наконец вернул себе дар членораздельной речи мистер Парри, – то я вынужден смириться с вашим бесцеремонным вмешательством в дело нашего департамента. Но сочту своим долгом незамедлительно выразить свое мнение в соответствующем докладе. Да-с, непременно и без промедления.

– Разумеется, вы имеете на это полное и неоспоримое право. – Легкая усмешка полковника Карда свидетельствовала, что доклад, вне зависимости от адресата, вряд ли минует мусорную корзину. – При условии, что «немедленно», будет означать «как только вы окажетесь за оградой».

– Вы, сэр... – мистер Парри запнулся, явно перебирая в уме наиболее подходящие эпитеты. Не обнаружив таковых – по крайней мере, из числа тех, что можно произносить в присутствии дамы, – помощник комиссара поочередно испепелил нас взглядом и выскочил наружу, напоследок хлопнув дверью с такой силой, что я всерьез испугалась за стекла.

– Кажется, моя карьера отправилась на компост.

Произнесла я эту фразу почти беззвучно, но полковник обладал или близким к абсолюту слухом, или же развитым боковым зрением вкупе с умением читать по губам.

– Из всех возможных последствий случившегося здесь, – сказал он, разворачиваясь ко мне, – ваша карьера волнует меня, пожалуй, меньше всего.

Я промолчала. Полковник же принялся разглядывать меня, в считанные мгновения доведя взгляд от «неуютно» до «не смотрите на меня ТАК!».

– Вы и в самом деле чистокровная эльфийка?

– Если верить летописям нашей Ветви, а также пробам крови – да!

Кард принялся обходить меня по кругу.

– Не знал, что у эльфиек бывают настолько развитые молочные железы, – неожиданно заявил он.

– У эльфов, – я постаралась подпустить в тон своей речи столько надменного превосходства, что представитель низшей расы должен был бы пасть ниц при первых же слогах, – не обращают на размеры этих органов *столько* внимания.

Полковник еще несколько мгновений пялился на меня... а затем запрокинул голову и громко, заливисто расхохотался.

– Туше, – выдавил он, утирая слезы, – можете прятать шпагу в ножны.

– Вы устроили, – у слова был странный привкус, будто холодная карамель из кондитерской лавки миссис Джекоб, – *проверку*?

– Да, – Кард вновь посерьезнел. – Видите ли, инспектор Фейри Грин, до последнего момента вы находились вне сферы моих особых интересов, поэтому вся информация ограничивалась несколькими строчками в картотеке.

Извиниться он и не подумал, отметила я, а вслух спросила:

– Что же показал ваш... тест? И для чего же он понадобился?

– Наличие ума, самоконтроля, чувства юмора и зачаточных актерских способностей, – со вкусом перечислил Кард. – Это на первый вопрос. Что до второго – я смогу ответить вам, как только услышу мнение моего эксперта.

– Эксперта в какой области знаний?

– По пестрым ящерицам, – невозмутимо сказал полковник. – Я выслал катер еще полтора часа назад, едва только получил сообщение о случившемся. С минуты на минуту он должен появиться здесь.

Глава 2

В которой инспектор Грин знакомится с памятником архитектуры и не только с ним.

Экспертом полковника оказался кей Молинали – или герцог Молинали, если переводить именованья Высоких Ветвей в людские титулы. Тот самый, что пятнадцать лет назад вызвал изрядный шум своим трудом: «интеллектуальный расизм», в котором среди прочего заявил, что считает умного человека или даже гоблина более близким к себе существом, чем некоторых обделенных извилинами Первороденных. Разумеется, после такого кей Молинали было весьма недвусмысленно порекомендовано удалиться из Великих Лесов поближе к столь милым его сердцу низшим расам. Герцог рекомендации охотно последовал и, судя по цветущему виду, прошедшие годы провел отнюдь не в тоске и печали по семейным дубравам.

– Мисс Грин, – человеческое именованье в устах чистокровного эльфа заставило меня вздрогнуть, – и полковник Кард. Интригующее сочетание. Смею надеяться, сэр, я снова не буду разочарован вашим очередным заданием? Прошлое было воистину чудесной зарядкой для ума, лучшие дни за последние два, нет, четыре месяца.

– Боюсь, что нет, – вздохнул полковник. – Хотя лично я бы предпочел, чтобы дело для разнообразия оказалось легким и простым.

– Ну-ну, не будьте таким уж букой, – промурлыкал Молинали, проходя мимо нас к столику с трупом. – Давайте-ка посмотрим, что баклан в клюве принес?

Схватив мертвеца за волосы, герцог с видимым усилием отогнул голову вверх, нахмурился, прицокнул языком и достал из жилетного кармана для часов маленький, не больше ладони, гномский электрический фонарик.

– Полагаю, – в лучике света глаза покойника стеклянно блеснули, отчего мертвец живо напомнил мне чучело в витрине напротив участка, – забрать образец в лабораторию вы не позволите?

– Полагаю, что в этом нет особой нужды, – с легким сарказмом сообщил Кард. – Меня мало волнует, чем покойник болел в возрасте трех лет и с какой начинкой была съеденная им на прошлой неделе булочка.

– Жаль, жаль, – герцог картинно развел руками, – мне уже давно не встречались качественные отравления нейротоксинами. К тому же насколько я помню, действие яда данной разновидности *Helodermatidae*, – Молинали не удержался от возможности щегольнуть знанием языка Первой Империи, – не описывалось исследованием, заслуживающим определения «научное». Их выводили несколько, гм, поспешно.

– Мне вполне достаточно того, что вы подтвердили диагноз инспектора Грин. – Полковник тоже неплохо знал «наречие мертвецов и аптекарей».

– Ни на миг не сомневался, что леди уже сообщила вам верный ответ. – Выпрямившись, Молинали спрятал фонарик и подошел к окну. – Что же касается меня, полковник, то в качестве добавки я могу дать вам лишь вопросы.

– Я слушаю.

– Дикие ядозубы неагрессивны, – сняв перчатку, герцог осторожно, словно боясь обжечься, коснулся фрамуги, – и яд в большинстве случаев используют для защиты от врагов, а не для нападения и охоты. Выводя новую – военную – разновидность, наши с леди соотечественники попытались ликвидировать этот, с их точки зрения, недостаток. Но, насколько мне известно, не особо преуспели. Что, к слову, и явилось основной причиной свертывания проекта.

– Как же, в таком случае, вы планировали применять их? – спросил Кард. – Опять пустить в ход старое доброе бешенство?

– Шутить изволите? – удивленно глянул на него Молинари. – Рептилии, так же как и змеи с насекомыми, не могут быть носителями бешенства. Если бы моим коллегам в Лесу посчастливилось решить эту проблему, не сомневаюсь, вы бы узнали одним из первых. Нет, с ядозубами требовалось что-то куда более сложное и запутанное, без традиционной для нас простоты и изящности. Ближе к гномскому стилю, я бы сказал. Кажется, – герцог уперся безымянным пальцем в переносицу, – планировалась закладка одновременно яиц и семян какого-то растения, чья пыльца должна была стать своеобразным «детонатором», многократно повышающим агрессивность ящериц.

Неужели... Вздрогнув, я посмотрела на россыпи цветов за окном.

– Растение случайно не относилось к семейству розоцветных? – полковнику, судя по вопросу, пришла та же мысль, что и мне.

– Таких мелких подробностей я не помню, – отмахнулся герцог. – Розы? Хи, было бы забавно – вывести цветок-предатель, цветок-убийцу, который сами же люди повсюду высаживали, старательно заботясь о нем. Впрочем, – разочарованно вздохнул он, – и такое уже проделывали, только более прямолинейно. История с бархатными тюльпанами королевы Анжелы, помните?

– Да, – на лице полковника не отразилось ничего, хотя столь небрежно упомянутая герцогом «история с тюльпанами» среди людей известна под названием «Коричневая Погибель».

– Ничто ни ново под лунами, как верно сказал ваш классик, – вздохнул Молинари. – Однако, – неожиданно повеселев, добавил он, – как раз данный случай, подозреваю, является исключением из правила. Действие пыльцы должно было проявляться скачкообразно: до некоего момента животное ведет себя естественно, то есть достаточно трусливо, затем р-раз, – для наглядности герцог щелкнул пальцами – и оно уже бросается на всех подряд. Здесь же, судя по вашему сообщению, картина совсем иная: одна жертва, живой свидетель и затем ящерица исчезает, растворяется в неизвестности. Хотя печальное зрелище, которое я наблюдал, подлетая, наводит на мысль, что ваши дуболомы в порыве охотничьего азарта почти превратили прекрасный сад в тщательно утоптанную пустошь.

– Это были полицейские дуболомы, – педантично уточнила я, – полковник их прогнал.

– Если так, – Молинари чуть заметно наклонил голову, – примите мои извинения и мою благодарность, Кард.

– К делу, сэр, к делу...

– К делу можете, как у вас принято говорить, «подшить» мое мнение. Описанное поведение ящерицы – если, конечно, ваш человек не напутал и не присочинил – больше напоминает действия отлично выдрессированной собаки. Как добиться подобного в случае с рептилией, лично я не представляю даже отдаленно. Поэтому, – герцог сомкнул руки в молитвенном жесте, – очень прошу вас, полковник, когда вы поймаете виновника, не надо, как в прошлый раз, сразу ломать ему шею.

– Постараюсь, профессор, – сухо произнес Кард, – но если, как и в прошлый раз, выбор будет между его шеей и моей, уж извините, предпочту сохранить в целости свою.

Эльф едва заметно улыбнулся и, кинув еще один прощально-сожалеющий взгляд на несостоявшийся лабораторный образец, направился к выходу. Полковник Кард примерно на полминуты замер, словно прислушиваясь к чему-то. Я начала открывать рот...

– Следуйте за мной! – на миг опередил меня гвардеец, срываясь с места. – Нам необходимо будет сделать доклад.

Небо на востоке уже светлело, и на пастельно-розовой полосе отчетливо выделялись черные хищные тени двух паривших над садом летающих катеров. При нашем появлении

они прервали очередной круг и опустились на лужайку перед верандой. Полковник направился к правому, успевшему в последний миг лихо развернуться бортом к особняку, я же чуть замешкалась. Мой опыт полетов ограничивался парой кругов на ярмарочной «летающей платформе» и, увы-увы-увы, рейсом на воздушном пароме. Именно тогда я выяснила, что эльфы тоже страдают от воздушной болезни. Катер же – точнее длинная узкая лодочка – выглядел куда более ненадежно, чем массивная туша парома. Вдобавок места под кожаным тентом, на мой взгляд, хватало лишь для одного пассажира...

– О чем задумались?

– Видите ли, сэр... – начала я, и вдруг меня подхватило, понесло... и опомнилась я уже в глубине сиденья, на удивление мягкого и уютного. К ритмичному «чух-чух-чух» машины добавились шуршащий треск винтов и лихой посвист ветра, а светящиеся шары сада уже стремительно проваливались куда-то вниз.

– К мессире, Артур! – велел Кард, устраиваясь рядом и пристегивая страховочный ремень. Места на сиденье, как я и думала, для двоих пассажиров оказалось мало: в мое плечо тут же впиалась какая-то пряжка или брошь, в бок уткнулась рукоять кинжала, а в бедро – табакерка.

– Послушайте, вы...

Рулевой крутанул штурвал, катер накренился – и я разом позабыла все слова, завороженная открывшимся внизу видом. Высота и сумрак ночи оказались превосходными гриме-рами, надежно скрыв уличную грязь, закопченные трубы, серый ноздреватый камень домов и прочие атрибуты «великой людской клоаки». С заполночных небес Клавдиум выглядел почти как Великий Лес в дни осенних празднеств. Цепочки огоньков уличных фонарей начинали свой путь от сумрачной мглы окраинных болот, дружно устремлялись к центру, впитывая по пути нити притоков-проулков и, наконец, вливались в озера площадей. Зеркально блестела Эффра, нарезанная черточками мостов на аккуратные ломтики, тускло мерцали зажатые каменными тисками полосы каналов, а дальше, у пристаней, даже ночью не прекращалось деловито-муравьиное мельтешение. И за стеклянной гладью воды, на черном бархате парков разноцветно мерцали россыпями драгоценных искр особняки острова Айл.

Опомнилась я, лишь когда «остров мелкой знати» остался за кормой, а по правому борту замаячило тускло-багровое зарево рукотворной вулканической гряды – громадных доменных печей Хантсмена, днем и ночью безостановочно заливающих мир стальной лавой. Катер летел на юго-восток от столицы, а значит...

– Мы что, в Садингем летим?!

– Совершенно верно, мисс Грин, – Кард, похоже, ждал этого возгласа и теперь наслаждался моей растерянностью. – Именно там находится... кхм, тот, кто желает выслушать наш доклад.

В слове «наш» мои длинные уши уловили тревожный звоночек. Конечно, вряд ли полковник собрался сделать из меня жертвенный пирог, для столь примитивной подлости Кард выглядел слишком разумным существом.

– И кто же?

– Увидите, – с многозначительной ухмылкой пообещал полковник.

По крайней мере, мы летели не в Кирхольм. Хотя я и собиралась ознакомиться с этим знаменитым образчиком раннего дварфокко (который, по слухам, считали редкостно уродливым даже сами гномы), но планировала ограничиться внешним осмотром. И уж точно не собиралась брать в попутчики полковника Ночной Гвардии. С таким сопровождающим в Кирхольме можно и засидеться в гостях... лет на двадцать-сорок. Но все же... держаться подальше от человеческих интриг – одно из главных правил выживания эльфа в людском сообществе. Мы привыкли к медлительно-вековому плетению открытых дипломатических союзов и тайных заговоров. К обставленным тысячью и десятью негласными правилами

предательствам. И мести, что вызывает дольше иных благородных напитков. Человеческая политика для нас – кипящий между валунов поток. Слишком быстро здесь все меняется, не успеешь моргнуть: один король сменил фаворитку, другого сменил сын, третьего и вовсе придушили в спальне дюжие гвардейцы. Конечно, есть среди Первородженных и такие, кто наслаждается этим хаосом, ныряя в столичные водовороты, словно идущая на нерест форель, но я-то – не из их числа! Мне нравится распутывать клубки с загадками, а не вышивать сталью и ядом по крови.

* * *

Приметы новых времен не миновали старинной королевской резиденции. Хотя два паровых великана, сияя черно-белыми гвардейскими «шахматами», по-прежнему высились по бокам парковых ворот, настоящей стражей теперь были уже не эти стальные гиганты. Покой обитателей Садингема отныне хранил паривший над замком воздушный крейсер, настороженно шаривший по темному небосклону длинными щупальцами прожекторов. Одно из них поймало наш катер еще на подлете к парку, и хотя рулевой почти сразу же отступил фонарем короткий сигнал, я еще с полминуты чувствовала холодное покалывание на затылке – на пути к замку за нами следил не только луч, но и настороженный взгляд сквозь прицельные кольца.

Катер ловко подрулил к деревянному причалу, изуродовавшему собой чудесный балконный парапет пятого этажа. Два необычно смуглых для здешних туманов человека в матросской форме тут же захлестнули канатами нос и корму, притянув катер вплотную. Третий – в раззолоченной ливрее, но со столь же густым загаром – приставил к борту лесенку.

– С докладом к его превосходительству, – Кард, даже не глянув на лесенку, одним прыжком перемахнул на балкон. – Мисс эльф со мной.

Стиснув зубы, мисс эльф припомнила, как в далеком детстве часами летала по ветвям родной пуши, оттолкнулась от борта и...

...едва не сбила полковника с ног.

– Прошу вас, сэр, хэя! – матрос в ливрее распахнул дверь.

Несмотря на поздний час, королевский дворец отнюдь не выглядел царством сна. Он был полон людей, запахов – судя по ним, канализационная система нуждалась в серьезной модернизации, – а также режущее-яркого света дуговых ламп, уже заменивших большую часть газовых светильников. Словно разворошенный муравейник, где все перемещаются только бегом, в крайнем случае, быстрым шагом и непременно – с ужасно деловым видом. Мы с Кардом ничуть не выделялись на общем фоне – полковник шагал так, словно вел за собой «ускоренным маршем» кавалерийский эскадрон, я старалась не отставать и рассмотреть как можно больше подробностей внутреннего убранства. Судя по панелям из мореного дуба и многочисленным шторам из белого шелка в складчатом «парусном» стиле, наш путь пролегал по правому, «морскому» крылу дворца. Если так, то где-то здесь должен находиться и трофей Третьей Авилонской войны – «Уход Альрика-корабеля в заокраинные земли», кисти великого Солаэля. Увидеть бы ее хоть на миг... но, увы, сколько я ни вглядывалась в проносящиеся мимо нас картины, чуда не случилось. В коридоре, на широкой беломраморной лестнице, снова в коридоре и в длинной галерее из тяжелых вычурных рам на меня брезгливо косились обладатели старинных завитых париков, лишь изредка разбавленные горящими среди пороховых клубов парусниками. От времени краски потемнели, выцвели, отчего благородные сэры и леди на портретах стали похожи на собственные привидения. Я бы ничуть не удивилась, узнав, что зимой, когда королевский двор покидает Садингем, эти призраки лунными ночами выходят из картин и под неслышную для живых музыку танцуют в опустевших коридорах свои давным-давно вышедшие из моды танцы. Ох, еще одна лест-

нища и опять эти неудобно-широкие ступени! Хорошо еще, Кард смилостивился и соизволил дожидаться меня наверху.

– Уже скоро, – «подбодрил» он, – мы почти пришли.

В следующем коридоре безраздельно царствовал плюш – темно-зеленой тканью оббили даже потолок, не говоря уж о стенах и портьерах. Плюш выглядел новым, однако стоило мне сделать шаг, как из носа приготовился рвануться на волю чих, а из глаз – потоки слез. Ужасно пахло пылью... и мышинным пометом.

– Что за, ап-чхи! – я все-таки не удержалась, – странное местечко?

– О! – судя по уже знакомой интонации, я снова оправдала ожидания полковника. – Местечко и в самом деле прелюбопытное. Вы слышали легенду о потерянной библиотеке короля Роланда?

– Смутно и краем уха, – призналась я. Человеческая история, по мнению моих наставников, слишком напоминала мифологию, и, даже переселившись в Клавдиум, я уделяла ей не слишком значимую долю внимания. Парфюмерия, архитектура, живопись и, конечно же, сыскное дело занимали меня куда больше.

– История на самом деле презабавная, – Кард откинул портьеру и посторонился, отчего-то именно здесь припомнив правила хорошего тона. – Как-нибудь я вам непременно расскажу... подлинную историю, разумеется, а не версию, что стала достоянием широкой публики.

За портьерой пылью пахло заметно меньше – но лишь потому, что ее ноту перебивал более сильный запах чего-то неприятно-химического. Кажется, так воняет одно из снадобий, которыми любят протирать все и вся в своих пещерах помешавшиеся на борьбе с плесенью гномы. К счастью, неведомые ревнители чистоты ограничились полом и стенами, но не осмелились осквернить прикосновением огромные, мохнатые от вековой пыли стеллажи. «Хранилища мудрости», словно вековые дубы в священной роще, возвышались под самый потолок и шеренгами, словно солдаты на плацу, тянулись в глубь зала, теряясь в сумраке – свет двух настенных фонарей запутывался в натянутой между полок серебристой паутине. Полки же были завалены книгами, свитками, какими-то свертками, просто стопками листов. Именно завалены, беспорядочно и небрежно, будто их заполняли в ужасной спешке, не заботясь ни о чем, кроме как о скорейшем завершении работы.

И совершенно не думая, какое сокровище им доверено. Даже эльфийского зрения не хватало, чтобы прочитать надписи на корешках, но уж узнать переплет Четвертой Эпохи... да еще с тиснением побегам ивы, символом одной из легендарных Потерянных Ветвей!

– Мистер Кард?

С трудом оторвавшись от разглядывания тисненых узоров, я обернулась на голос, к письменному столу, за неимением иного места перекрывшему проход между двумя рядами книжных великанов. Позади стола располагалось большое кожаное кресло, в котором в крайне свободной для человека позе, – закинув ноги на правый подлокотник и полулежа на левом, – расположился сухопарый Джентльмен лет сорока. Именно Джентльмен – белизна рубашки буквально слепила, на черной бархатной жилетке не было и намека на пылинку или складку. А уж идеальной вывязке галстучного узла «старый корень» – между прочим, заслуженно считающейся одним из самых сложных в исполнении – могли бы позавидовать многие эльфы. Я – позавидовала.

В левой руке Джентльмен держал характерно-гномскую книжицу, а в правой – изящный лорнет, которым то и дело двигал взад-вперед, пытаясь нащупать оптимальное расстояние для чтения мелкого шрифта.

– С докладом к его превосходительству, – вновь произнес Кард, и я уловила в тоне полковника отдаленный намек на почтительность.

– Леди с вами? – не отрываясь от книжицы, осведомился Джентльмен.

– Да.

Джентльмен в кресле едва заметно кивнул и снова с головой нырнул в борьбу с подгорными рунами. Я двинулась за полковником во тьму прохода между стеллажами, старательно подавляя желание сцапать с полки одну... три, или даже пять книг и попытаться спрятать их под плащом. Внезапно наверху что-то – или кто-то – пискнул, зашуршал и захлопал крохотными крыльями, уносясь прочь...

– Мы здесь не заблудимся?

– Мы уже почти пришли, – заявил полковник, останавливаясь перед каменной стеной без малейших признаков двери. – Надо лишь немного подождать.

– Подождать чего, если не секрет?

– Подождать, пока сработает механизм! – Кард махнул шляпой куда-то вперед и вниз. Развернув уши, я и в самом деле уловила приглушенный натужный скрежет металла о металл... затем что-то лязгнуло, скрежет перешел в плавный гул, и кусок стены перед нами медленно пополз вниз.

– Да, тайный ход, совсем как в дешевых романах, – прокомментировал Кард, на миг опередив мое собственное ироничное замечание. – Что поделать, некоторые бюрократические установления проще обойти такой вот тихой сапой, чем брать прямым штурмом.

– О да! – понимающе вздохнула я, припомнив стопку циркуляров на собственном столе.

– Прошу вас!

Тайный ход, вопреки моим опасениям, оказался на диво коротким. Шаг, поворот, еще шаг, и открывшийся вид заставил меня вздохнуть еще раз, теперь уже – с тоскливой завистью. *Это* было тем самым идеальным рабочим кабинетом, о котором я грезила долгими часами ночных дежурств. Просторный, но в меру – то есть, не настолько большой, чтобы потеряться в нем – с высоким и узким «стрельчатым» мозаичным окном, небольшим камином, где уютно потрескивали алые угли, высоким креслом-качалкой перед ним, двумя обычными креслами для гостей, книжными полками, мягким ковром. И, конечно же, столом – не людским, примитивно-плоским, а нашим, живым: с острыми пучками светло-коричневых веточек-писалок, переплетением разноцветных «чернильных» лиан и мягким серебристым светом «ночных колокольчиков». Чтобы вырастить подобный стол, нужно не меньше пятнадцати лет и настоящий Мастер мебельных дел, а не подмастерье, только и умеющий приживлять на пеньки спинку-плетенку.

– Ах, полковник, полковник... – с легкой укоризной произнес кто-то невидимый пока из глубин кресла, – ну почему вы не являетесь к своему начальству днем, как делают обычные люди?

– У обычных людей начальство по ночам спит, – ничуть не растерявшись, отозвался Кард, – но вы-то, мессир, бодрствуете.

– Ты неисправим, Эдмонт.

Причину тихого скрипа я поняла, лишь когда кресло развернулось в нашу сторону. Оно, как оказалось, умело не только качаться, но и ездить... тут в моей голове что-то звонко щелкнуло – второй раз за ночь, пора начинать пить смазку! – и я ошеломленно уставилась на сидевшего в нем человека. Лет пятидесяти с виду, седой, тщательно выбритый, с искорками смешинок в уголках синих глаз и с рельефно проступающей из-под пурпурной накидки мускулатурой атлета – тяжеленное кресло он катил одной рукой, причем без видимого усилия. Ничуть не похоже на образ из бесчисленных карикатур, но тем не менее это мог быть только сэр Невилл Дарнли, Королевский Паук, один из трех Верховных Судий Арании, «зловный калека, опутавший своей паутиной всю страну».

– Мессир, я выполняю ваши собственные инструкции. Убит еще один человек из списка. Артур Бентинк, глава подкомиссии стратегического совета Адмиралтейства по

газам. – Последние слова в обоих предложениях Кард выделил особо. – Вот, – полковник выдернул из-за отворота пиджака бумагу, – рапорт нашего агента об обстоятельствах произошедшего. Первичное расследование подтвердило изложенные в нем факты, поэтому я счел необходимым...

– ...оттоптать все мозоли, до которых только смог дотянуться! – Паук быстро проглядывал рапорт. – Зная, как ты обычно действуешь... хм, «пестрая ящерица». Что там случилось на самом деле, полковник?

– Укус ящерицы.

– Как забавно. Теперь уже точно можно сказать, что повторяться наш... оппонент не любит. Если, конечно, это не простое совпадение.

– *Не* совпадение, мессир, – твердо произнес Кард. – Я убежден, что нам специально преподнесли «эльфийский след» – словно на блюдечке, заботливо расставив нужные указатели.

– Но при этом, – сэр Невилл отложил бумагу в сторону, – не оставили никаких прямых улик, годных для предъявления послу Высоких Ветвей.

– Мессир, про нашего, как вы изволили выразиться, оппонента пока совершенно точно известен лишь один факт – он далеко не дурак. Сейчас у нас есть лишь сомнения, а останься на месте преступления более явные улики – они бы превратились в уверенность.

– Из чего следует еще один факт – нас он тоже дураками не считает, – с видимым сожалением констатировал Паук. – Что ж, Эдмонт, полагаю, ты был прав. Отныне покойный сэр Артур на твоём балансе. А теперь, – улыбнулся он, – представь, наконец, свою прекрасную спутницу. Впрочем, погоди, я попробую угадать... мисс Грин, я не ошибаюсь?

– Да... – я судорожно попыталась вспомнить полное титулование сэра Невилла, но споткнулась на «...неусыпный хранитель священных принципов» и, поколебавшись, повторила за полковником, – мессир.

– Читал о вас...

«В газетах, в разделе объявлений: «в городской зверинец доставлена из-за моря новая диковинная зверушка, почтенная публика может лицезреть ее с трех до восьми, плата за вход – шесть грошей», – додумала я.

– ...в, скажем так, служебной переписке. Один из получивших ваше прошение чиновников, из тех, что недостаток ума пытаются компенсировать усердием, вообразил, бедняга, что здесь имеет место шпионаж и «попытка подрыва устоев», кажется, именно так он записал. Припоминаю, – усмехнулся Паук, – как мы с почтенным Баркли дружно хихикали над этой докладной. Шпионаж в нашей доблестной городской полиции, надо ж додуматься. Подсчет еженощно собираемых пьяных, размер средней выбоины в мостовой, регулярность кабацких мордобоев... сведения, несомненно, вызывающие живейший интерес у наших давних друзей из Леса. Хотя с сегодняшней ночи, – повернувшись к полковнику, продолжил он, – все может очень измениться, не так ли, Эдмонт? Вы ведь доставили сюда прекрасную леди не только затем, чтобы порадовать мои слабеющие глаза?

– И это так же, мессир. Но, – Кард положил мне руку на плечо, словно запасаившись, что, услышав дальнейшие слова, я взвою пещерным волком и брошусь наутек, – формально я прибыл с просьбой временно зачислить инспектора Грин в мой отдел.

– Временно, как же, – ворчливо повторил Королевский Паук. – Нет ничего более постоянного, чем временное, Эдмонт. Просьба... хе, кое-кто из стариков наверняка сочтет ее тем самым «подрывом устоев». И не усмехайся так пренебрежительно, *полковник*, эти старики обладают достаточным влиянием, чтобы мановением руки стереть в пыль надоедливую мошку. Я, знаешь ли, не всемогущ... и Ее Величество – тоже.

– Полагаю, эти старые пиявки с радостью придушили бы меня уже сейчас, – равнодушно произнес Кард. – Им достаточно уже и того, что я – ваш человек, мессир. Детали несущественны.

– Ты назвал причину, Эдмонт, – сэр Невилл качнул пальцем, будто добрый дедушка, успокаивающий расшалившегося малыша, – а кроме нее, нужен повод! Допустить эльфийку к расследованию, в котором затронуты настоящие, а не мнимые тайны королевства, – повод что надо. В прежние времена корзины под эшафотами наполнялись и за меньшие вольности...

– В прежние времена, – сказал Кард, – нас бы не было в этом кабинете, всех троих.

От этих слов мне отчего-то захотелось плотнее закутаться в плащ – будто по кабинету вдруг пронесся холодный и сырой подвальный сквозняк.

Должно быть, полковник и сам почувствовал нечто подобное. Отпустив меня и уронив шляпу в одно из «гостевых» кресел, он присел у камина. Не глядя, привычным движением взял с вычурно-литой чугунной подставки кочергу и принялся ворошить угли, давая затаившимся под пеплом жадным огонькам вновь добраться до свежего воздуха. И стылый холод отступил, сжимаясь и уползая в темные углы.

– Прекрасно понимаю, – начал Кард, – что вы... мы, – поправился он, – обязаны учитывать политические моменты. Но, мессир, я также полагаю, интересы *дела* требуют, чтобы инспектор Грин могла полноценно участвовать в расследовании.

– Ты полагаешь или ты уверен, Эдмонт?

– Пока что, мессир, – полковник вернул кочергу на место и выпрямился, – я ни в чем не уверен. Просто хватаюсь за соломинку.

– Слова настоящего солдата, сказал, как рубанул... – фыркнул Королевский Паук, разворачивая кресло и направляясь к изящному шкафчику из атласного дерева. Услышав тихие щелчки, я на всякий случай отвернулась, хотя высокая спинка в любом случае не оставляла и тени шанса разглядеть комбинацию. – Ни малейшей попытки угодить начальству. И то верно, – раздался короткий лязг, затем шуршание, – к чему радовать старика?

– Я дал вам возможность взглянуть на эльфийку, мессир, – напомнил Кард. Судя по едва слышной радостной нотке, полковник уже считал вопрос решенным – в свою пользу. А вот в мою ли?

– Удивляюсь, что ты за этот подвиг медаль не просишь.

Сэр Невилл закончил возню с потайным сейфом и вновь подкатил к нам. На проятнутой ладони что-то тускло блеснуло – небольшое, овальное и очень похожее на виденный мной недавно жетон полковника.

– Берите-берите, мисс! – ласковые бархатные обертоны в голосе Паука плохо скрывали сталь приказного тона. – Эта безделушка не кусается сама по себе, она лишь дает право загрызть.

– Лучше всего прикрепить ее на лацкан, – посоветовал Кард. – С обратной стороны, разумеется – знак «нетопырей» все же не то украшение, которое стоит демонстрировать на публике... без острой на то нужды.

Вообще-то я именно так и собиралась его прикрепить, но после слов полковника ограничилась холодным кивком и спрятала жетон в кармашек для часов.

– А сюда, – сэр Невилл протянул Карду сложенный вдвое листок, из которого свешивалась красно-черная ленточка, – имя впишешь сам. Мои собственные каракули без проблем разбирает лишь Джотто.

– Вы *уверены*, мессир? – судя по удивленному взгляду полковника, ему только что отрезали больший кусок, чем он собирался проглотить.

– Уверен, Эдмонт, уверен. Чтобы мисс эльф могла открывать все нужные двери, одной «летучей мышки» недостаточно. Некоторые крепости поддадутся лишь пушкам из Осадного Парка Ее Величества, *жерлам*.

– Все так, мессир, но...

– Эдмонт, – я ждала, что Паук повысит голос, но сэр Невилл перешел на шепот, – мальчик мой, когда я приказываю срубить чью-то голову, палач не начинает с пальцев ног. Если ты решил, что мисс Грин необходима в твоей команде, она должна иметь возможность работать, как ты сам же и сказал, «полноценно», максимально полноценно. Вы должны *так* работать, Эдмонт, я дам тебе все, что в моих силах и даже больше – кроме одного. Права на провал, Эдмонт.

Полковник искоса глянул на меня, затем кивнул и взял загадочный листок.

– Благодарю, мессир.

Возмутиться, завизжать, затопать ногами, запоздало спохватилась я... и вообще, с чего эти двое взялись решать мою судьбу? Да я сейчас как...

– Любопытство сгубило эльфийку, если верить гномской поговорке, – сэр Невилл откатился назад и прищурился. Правда, взгляд у него при этом был не голодный, а, скорее, изучающий. Примерно таким взглядом двоюродный кузен обычно рассматривал очередную пойманную бабочку, решая, достоин ли экземпляр места в коллекции. Наверно, с возрастом Королевский Паук переквалифицировался в энтомолога.

– Ваше любопытство, вэнда, уже завело вас довольно далеко от родного леса. Ассистентка придворного парфюмера... – на самом деле, моя должность называлась несколько иначе, но поправлять Паука я не решилась, – сумевшая поймать за хвост самого знаменитого эльфийского преступника за последние два века. Громкое было дело, верно, Эдмонт?

– Громкое, – подтвердил Кард, – но за плотно закрытыми дверями.

Я привычно изготавилась к вопросу в стиле: «Неужели вам настолько понравилось играть в кошки-мышки со злодеем?» Однако сэр Невилл молчал.

– Будьте осторожны, юная эльфь, – наконец произнес он. – Ваши сородичи не любят отнимать жизнь... но вы не дома. Помните об этом – и почаще оглядывайтесь по сторонам.

Глава 3

В которой инспектор Грин узнает некоторые фамильные тайны гномов.

«Гнездо» полковника, как выяснилось, находилось отнюдь не в королевском замке и даже не в «зоосаде Ашера» – квартале военного ведомства, прозванного так за поистине маниакальную страсть одного из предыдущих Лордов Армии к скульптурам геральдических зверей. Кард обосновался в «Золотом Треугольнике», среди финансовых воротил, и не просто снял под свою контору скромный флигель, а занял целый этаж «Четырех Банков», заодно прихватив и часть крыши под ангар для летающей лодки.

До сегодняшнего дня данное строение я полагала одним из величайших образчиков людского дурновкусия. Но, как оказалось, «Четыре Банка» только снаружи покрылись корой из плит багряного гранита, из-за которых здание в рассветных и закатных лучах выглядело куском сырого кровоточащего мяса. Изнутри же стены были весьма гармонично отделаны диким камнем, а разбитый во внутреннем двореке крохотный парк – с водопадом, озерцом и затерянными среди кустарника и карликовых сосен скамейками – почти примирил меня с мыслью о необходимости каждый день лицезреть ужасающий фасад.

Впрочем, предаваться особо глубоким размышлениям у меня просто не хватило сил. После всех волнений этой ночи вид мягкого диванчика у стены полковничьего кабинета оказался слишком большим искушением. Кое-как волоча ноги, я доплелась к спасительному островку и рухнула в плюшевые глубины, с трудом подавляя желание свернуться калачиком под плащом и задремать.

– Полагаю, инспектор Грин, вам не помешало бы что-то бодрящее, – заметил полковник.

Надо же, какое внимание к деталям и удивительно глубокомысленный вывод! Сам-то Кард выглядел отвратительно бодрым. Должно быть, он, как и животное с его бляхи, ведет ночной образ жизни, а отсыпается днем.

– Благодарю покорно, но эльфы не имеют привычки употреблять алкоголь! И вашу любимую коричневую бурду из Эскишехира – тоже!

– Миф, – тут же парировал полковник, – во-первых, а во-вторых, я вам не спиртное предлагаю. И не кофе... к слову, правильный кофе должен быть белым, но так умеют готовить только кочевые орки из Хардамурской пустыни.

– Белый, черный, все одно по сердцу эта дрянь бьет не хуже гномского молота, – пробормотала я и уже громче спросила: – А что же вы хотите в меня влить?

– Скоро узнаете, – пообещал Кард.

Скоро возненавижу эту фразу, злобно подумала я, глядя, как полковник берет массивную трость и начинает выстукивать на стоявшем у окна доспехе нечто телеграфное. Тук-тук-тук-пауза-тук-тук-скрип-блямц – каска с пернатым гребнем съехала набок, задев наплечник, отчего доспех приобрел залихватски-жалобный вид. Стук разом прекратился... полковник отставил трость, бережным движением вернул каске прежнее положение, а затем провел рукой по нагруднику, будто пересчитывая темные росчерки пуль на полированной стали.

– Страшно там было? – не удержалась я от вопроса.

– Что? – недоуменно переспросил Кард.

– Страшно было бежать навстречу залпам?

– Навстречу – нет! – полковник вздохнул. – Страшно мне стало потом, когда я оглянулся назад и увидел тех, кому не досталось гномской стали на кирасу. Легион Корабельной Ее Величества Пехоты, 2-й экспедиционный полк... отмель в сто двадцать шагов, и если упал

в волны, уже не подняться. В тот день я впервые узнал, что кровавый прибор – не просто звонкая метафора.

Что ж, поставила я мысленную галочку, по крайней мере, мой новый шеф умеет оглядываться – занятие, людям не очень свойственное. Хочется верить, что с возрастом он чуть поумнел и теперь оглядывается не только в конце забега, но и в процессе.

– Именно поэтому вы поставили его здесь? Как напоминание?

– Отчасти – да, – полковник произнес эти слова так, словно и сам не был до конца уверен в мотивах своего поступка. – Есть и другие поводы. Сентиментальность, к примеру, – слегка усмехнувшись, добавил он. – Этот стальной парень раз двадцать спасал мне шкуру, так что засовывать его в дальний угол чулана было бы незаслуженной обидой.

Я почти придумала следующий вопрос, но тут меня отвлекли шаги в коридоре.

– Можно войти, сэр?

– Заходи, Тайлер, конечно! – тут же отозвался Кард и, заговорщицки подмигнув мне, на цыпочках двинулся к двери.

Сначала в кабинет вошли запахи – пьяняще-сладкий аромат ягодной смеси, окаймленный почти незаметной горечью. На следующем вдохе запах оказался уже иным, теперь в нем преобладали мятные нотки, лаванда и еще что-то холодно-бодрящее, словно положенный на язык кусочек льда. Еще вдох, и запах-обманщик прикинулся горячим апельсином, на миг отступил, спрятавшись за угольно-масляной завесой, и ворвался в открываемую дверь под барабанный бой сандаловых палочек.

– Вот ваш напиток, сэр...

На первый взгляд, появившийся в проеме юноша выглядел вполне обыденно – типичный подросток со столичных улиц: растрепанная прическа и хмурый, «почти как у взрослых», взгляд из-под несуразно большого козырька модной клетчатой кепки. Разве что наряжен чуть лучше среднего – куртка и штаны из добротного сукна, башмаки не зияют дырами. Однако целостность одежды более чем компенсировалась ее изгвазданностью. Даже перемазанные в золе беспризорники, которых мы с констеблем Батлером извлекали позавчера из-под печей стекольного завода, и те выглядели не в пример чище, чем этот гибрид трубочиста с кочегаром.

Увидев меня, паренек охнул и выпустил из рук поднос, на котором дымились две аляповатые глиняные кружки. К счастью, полковник, явно ожидавший именно такой реакции, уже успел перехватить его.

– Вы... эльфийка?! Настоящая живая Перворожденная?!

– В данный момент – полуживая, – вздохнула я.

– Что поправимо и очень быстро! – пообещал Кард, ставя поднос на стол. – Паратройка глотков подгорного варева, и вы почувствуете себя, м-м-м, юной ланью.

– Захватывающая перспектива. – Я уже понимала, что не устою перед искушением. Какое там «устою» – клянусь Великим Лесом, я бы выпила «подгорное варево», даже точно зная, что имею дело с настоящим ядом! Но эльфийская гордость не позволяла сдаваться просто так, без подобающего последнего слова.

– А если я почувствую себя раненной в живот ланью, вы сумеете сделать промывание желудка?

– Мисс! – возмущение паренька было настолько сильным, что перебороло благоговение. – Это не какая-то там людская отравка! Рецепт напитка хранился в нашем клане больше семи веков, и никто еще... никогда...

Мысленно застонав, я выставила себе низший балл за внимательность. Конечно, сложением худощавый Тайлер мало напоминал своих «склонных к шарообразности» сородичей – на фоне давешнего водителя локомотива он выглядел худышкой. Но уж отличить подлинное кольцо с клановой печаткой от модных среди людской молодежи подделок я

не просто могла – была обязана! Вдобавок, для особо сонных и невнимательных эльфиек, у паренька имелась еще и серьга с тем же характерным узором.

– А на пленных Перворожденных вы регулярно тестировали?

– Мисс!!!

Топора при мальчишке не имелось, но торчащий из правого бокового кармана гаечный ключ выглядел явно прочнее моего черепа. И к тому же, судя по звяканью, он был не одинок – а в руках гнома любая гайка или шестеренка могут стать о-го-го каким оружием. Особенно против хрупких костей эльфа.

– Для начала позвольте вас представить! – полковник передал мне одну из кружек, а сам, вернувшись за стол, облапил вторую. – Инспектор Фейри Грин...

– Мя! – обозначилась я.

– ...с сегодняшней ночи будет исполнять в нашем отделе обязанности эксперта.

Кажется, и это слово я тоже скоро возненавижу.

– По магии?! – радостно взвизгнул Тайлер.

– Чему-чему? – непонимающе уточнила я. За время пребывания в Клавдиуме мне довелось услышать в свой адрес множество «именований», но полугном, похоже, решил перещеголять своих предшественников по части загадочности.

– Магия, она же чародейство, она же волшебство! – пояснил Кард из-за кружки. – Мифическая способность, которой, согласно некоторым источникам, владеют Перворожденные. Том же твердо уверен, что магия существует. И, добавлю, с истинно гномским упорством пытается найти доказательства ее проявления. Именно это и привело его в наш отдел... правда, он был очень разочарован, когда узнал, чем именно мы тут заняты.

– Но... что за бред?! – возмутилась я. – Никакой магии нет и никогда не было!

– Думаете, у меня нет допуска? – Последовавший затем печальный вздох мог бы разжалобить камень, ну а зрелище поникшего Тайлера – заставить этот камень рыдать. Что до меня, я бы с превеликим удовольствием рассказала бедолаге все-все-все про «магию» – если бы хоть отдаленно представляла, что же он жаждет выслушать.

– Если тебя утешит, допуска нет даже у меня, Том, – сообщил полковник, по-прежнему прячась за кружкой.

– И у меня, – поддакнула я.

– Поэтому инспектор Грин будет у нас экспертом, – Кард разгладил по столу давешний листок с красно-черной ленточкой и потянулся к чернильнице, – по медицине и биологии. И не надо так неодобрительно шевелить ушами, мисс Фейри.

– Тогда не скрипите пером! – парировала я. – И хочу заметить, сэр, далеко не все эльфы являются академиками по части биологии и медицины, тем более человеческой. Например, лично мои познания носят весьма поверхностный характер...

– Ну, должность эксперта по парфюмерии смотрелась бы весьма странно в нашей ведомости. Мы все-таки не двор Ее Величества... по крайней мере, не относимся к нему напрямую. Вот, возьмите, инспектор, – Кард протянул мне листик, – и постарайтесь не пользоваться ею без крайней нужды.

Инспектор почтительно взяла драгоценную бумажку, хотя ответ насчет крайней нужды в листике и гномского варева так и просился на язык. Чтобы загнать его внутрь, я собрала остатки решимости, сделала плоток...

– Сэр!

Кажется, я пропустила секунд пять. Просто выпала из реального мира... куда-то. Надеюсь, не пропустив ничего важного.

– ...давно уже стал его самой незаменимой частью. Механик, курьер, стенографист, повар, прачка...

...и химик, мысленно дополнила я. Что же он все-таки намешал в этот алкатест?

– Сэр!!!

– Но ведь ты стираешь в своем баке сорочки Аллана, не так ли? – нарочито невозмутимо уточнил Кард.

– Всего один раз! В порядке опыта!

– Странно, а вот я помню как минимум три раза.

Я сделала еще один глоток. На этот раз провала в «куда-то там», к счастью, не последовало – но и к составу напитка не особенно приблизило. Чуть сладкий – значит, там есть сахар... привкус, похожий на... на... почему-то вкус упорно ассоциировался у меня с дорогой тканью, причем красного цвета – но понять причину я так и не смогла. Но в любом случае, явно не основной компонент – а вот распознать основу не получалось даже близко. Легкий налет пряности... что могло дать такой эффект? Кассия-канель? Циннамон? Эх, утащить бы эту чашку в лабораторию!

– Инспектор?! Вы еще с нами?

– А?! Простите, сэр, я немного...

– ...задумались. Ничего страшного, это *иногда* даже полезно, – Кард очень явственно выделил слово «иногда». – Но сейчас я попросил бы вас вновь спуститься из мира грез в реальный мир. Полагаю, гномский напиток уже подействовал надлежащим образом, и вы не засыпаете на лету?

– Да, сэр. – Чуть развернув уши, я приготовилась узнать наконец, чем же именно занимаются мой новый шеф и его подчиненные, к числу которых угораздило стать причисленной и некоей эльфийке. Однако полковник отчего-то решил пропустить вводную часть и взял с места в карьер.

– Вам известно, кем был сэр Артур?

– Лордом.

– Что ж, этого достаточно для поднятия среди ночи всей столичной полиции, – вкрадчиво произнес полковник, – но не для нас. Гораздо более существенным является тот факт, что Артур Бентинк возглавлял подкомиссию стратегического совета Адмиралтейства по *газам*. И, разумеется, – полковник слегка улыбнулся, – как и подобает человеку его происхождения, особое внимание уделял газам благородным... – Кард замолчал, явно предлагая мне закончить фразу. К счастью, благодаря гномскому пойлу, я уже была способна сложить раз и раз, получив два, а не восемь.

– Гелион!

– Совершенно верно! – кивнул полковник. – А гелион, как известно, необходим для выплавки кейворита. Полагаю, инспектор, вам не нужно пересказывать основы гелиополитики, в частности, как сказалось открытие кейворита на балансе сил между Аранией и Лесным Союзом. Том, – Кард резко повернулся к полугному, – не вижу повода для смеха!

– Простите, сэр, виноват, – вытянулся юноша. – Просто эта ваша фраза насчет баланса сил... я не смог удержаться. Мистер Кейвор ведь баланс, по сути, на помойку отправил. Прежде ваши короли всю армию еще на внешних засеках укладывали, а сейчас любой броненосец может р-раз – и хоть Священную Рошу нефтью полить.

У меня никогда не было повода жаловаться на недостаток воображения – проблемы возникали как раз из-за его избытка. Вот и сейчас я живо представила, как чадно дымящий стальной уродец медленно подплывает к верхушкам древних меллорнов, выхаркивает из своего чрева поток огня, и тысячелетние деревья вспыхивают, словно спички.

– Не стоит, – оскалилась я, – так поспешно списывать нас на помойку. У Высоких Ветвей могут найтись свои козыри.

– Магические? – с наивной жадностью уточнил Тайлер.

– Хватит и традиционных, биологических, – осадил Тома полковник и, покосившись на меня, уточнил: – Более чем хватит.

Полугном дернул плечом, но ввязываться с полковником в дальнейший спор не стал. Я же подумала, что гномы, и без всякого биооружия иной раз вымиравшие целыми кланами, к подобным угрозам относятся философски. Очередная чума? Рвем коридоры, в каждом из них именно на такой случай заложены заряды взрывчатки. Кто остался по ту сторону завала, пусть молит об исцелении Владыку Глубин. Обычно молитвы остаются безответными.

– Если вы понимаете, сэр, то к чему тогда ваши намеки? Конечно, Высокие Ветви совсем не обрадовались появлению летающих кораблей. Но хорек уже сбежал из клетки, какой же смысл теперь менять замок на дверце?

– Ветви наверняка могут желать, чтобы этих кораблей стало чуть поменьше, – сказал полковник. – Не забывайте, инспектор, все имеющиеся улики указывают в сторону Леса.

– Вы же сами говорили Пау... сэру Невиллу, что эльфийский след вам подозрителен, – напомнила я. – Что изменилось за последний час?

– Ничего! – неожиданно мрачно буркнул Кард. – В этом и проблема! Все улики по-прежнему твердят об участии в деле эльфов... а мою подозрительность к делу не подожмишь!

– Сэр, – подал голос Тайлер, – но ведь уменьшению нашего воздушного флота обрадовались бы не только эльфы, верно?

– Ха! – каркнул полковник. – Если рассуждать так, то в подозреваемые нужно зачислить полмира. Начиная с нашей собственной доблестной армии, а также ничуть не менее прославленного военно-морского флота.

Карду не удалось меня шокировать – все-таки я изучала человеческое общество изнутри не первый месяц и уже сумела примириться с мыслью, что единый и дружный снаружи людской муравейник на деле представляет собой бесчисленное количество мелких конгломераций, весьма слабо связанных друг с другом. А зачастую даже и антагонистичных. Взять хотя бы вражду полиции Клавдиума со столичным же пожарным департаментом. Корни неприязни, насколько мне удалось выяснить, уходили в седую древность, когда после мятежа Валка Безумного аранийские короли взяли за правило даровать титулы Хранителя Порядка и Хранителя от Огня лордам из враждующих Домов.

– Мотивы, – продолжал Кард, – могли найтись у многих. А вот осуществить задуманное, причем именно в таком виде...

– Но эльфы тоже не могли этого сделать! – горячо возразила я. – Вы же слышали, что сказал Молинари! Ящерицы не поддаются дрессировке!

– Да неужели? А ваша тяжелая кавалерия?

– Но это же совсем другое дело! Панцирные драконы выводились на основе варанов, имеют значительно более развитую нервную систему. Но и они способны воспринимать лишь простые команды.

– А вы можете поручиться, инспектор Грин, – Кард поднял голову и впервые за время разговора «поймал» мой взгляд, – что вашим сородичам не удалось вывести еще более «усовершенствованную» породу? Нет? Так я и думал. Полагаю, и кей Молинари не сможет. К тому же, – криво усмехнувшись, добавил он, – навряд ли любые ваши клятвы убедят хоть кого-то. В Арании не принято доверять эльфам.

Подобное отношение не было для меня новостью, но...

– Мне вернуть жетон и бумажку? – сухо спросила я. – Если вы не собираетесь верить моим словам... к чему тогда весь этот фарс?

– Если и дальше будете вести себя, словно выпускница монастырской школы, я моментально верну вас обратно в участок, можете быть уверены, – пообещал Кард. – А лучше – сразу в Лес, и там вы сможете швыряться шишками хоть до начала следующей Эпохи.

Закрыв глаза, я попыталась настроиться на «зеленую волну». Считается, что настоящий Перворожденный способен услышать звуки родного леса в любой ситуации, даже когда

рядом с ним исполняют на волынках и дудках ороczy походные марши. Увы – то ли сыграл свою роль загадочный напиток Тайлера, то ли еще что, но вместо шелеста листвы и щебетания птиц я упорно слышала бульканье воды в трубах и лязг печной дверцы этажом ниже.

– Но в других случаях никакого «эльфийского следа» не отмечено, – пришел мне на подмогу полугном.

– И что с того? – возразил Кард. – Для начала, нам еще предстоит найти доказательства, что между этими случаями вообще наличествует хоть какая-то связь. Некий список в сейфе сэра Дарнли таковым не является.

– Другие случаи? – повторила я, с запозданием припоминая фразу про «еще одного человека из списка».

– Первый раз наш оппонент заявил о себе две недели назад, – хлопнув ящиком, Кард перегнулся через стол и кинул на диванчик рядом со мной толстую картонную папку. – В Ее Величества Карциемских Лабораториях. Очень громко заявил.

Название, с таким пафосом произнесенное полковником, не сказало мне ровным счетом ничего – а значит, эти лаборатории не имели отношения ни к биологии, ни к парфюмерии. Распустив шнуровку, я достала из папки верхний лист... оказавшийся карандашным рисунком. У художника было не очень хорошо с перспективой, но совсем неплохо со штриховкой и проработанностью мелких деталей... вплоть до косых солнечных лучей и призрачного дымка над огромной воронкой.

– Это и есть ваши лаборатории, сэр?

– Все, что сохранилось от главного корпуса, – не поддержал иронию Кард. – К счастью, взрыв произошел ночью, в противном случае жертв бы считали на сотни. А так погибло всего шестнадцать человек... и среди них – профессор Элман.

– Еще один специалист по газам?

– Угадали, – кивнул полковник. – Правда, Джозеф Элман специализировался не на гелионе, а на водороде. И воздушных шариках.

Полугном снова захихикал, но полковник ограничился лишь строгим взглядом в его сторону, так что уточнять пришлось мне самой.

– Воздушных шариках?

– Именно так.

– Геометрическая проблема, – Тайлер быстро глянул на полковника и, получив одобрительный кивок, зачитал: – В докейворитную эпоху Арания в полной мере пользовалась выгодами своего географического положения. Хребет Глен-Мор отделяет королевство от основного континентального массива, и после высадки Гаральда Свирепого на остров Кринан единственной головной болью на суше для аранийцев остались, – запас воздуха у Тома кончился, и ему пришлось делать новый вдох, – эльфы Великого Леса.

– Сказала бы я, какой именно болью сделались для нас аранийцы... – пробормотала себе под нос одна из тех самых эльфов Великого Леса, продолжая изучать папку. К сожалению, большая часть содержащихся в ней бумаг заполнялась таким отборным канцеляритом, что моя голова напрочь отказывалась его воспринимать.

– Однако, – продолжил свою лекцию полугном, – все изменилось в одночасье после известия об успехе мистера Кейвора. Отныне горы, равно как и контролируемое Флотом Ее Величества море, не могли служить надежной преградой. И хотя Арания, разумеется, первой начала постройку воздушных кораблей, это лишь частично сглаживает остроту вопроса. Слишком большую территорию требуется прикрыть, слишком уж много направлений для возможного вражеского удара – а быть сильным везде не может и самый могучий флот мира. Наземная артиллерия также не решает проблемы: во-первых, орудие на воздушном корабле всегда будет иметь преимущество перед своим собратом парой миль ниже, а во-вторых...

– ...и в главных, – перебил Тайлера полковник, – все эти чудовищные пушки для «крепостей воздушной обороны» стоят чудовищных же денег. Решение, предложенное профессором Элманом, выглядело куда более практично.

– Те самые воздушные шарики?

– Если быть химически точным, водородно-кислородные шарики, – уточнил Том. – Поначалу они просто собирались под аэростат обычную морскую мину. Но в ходе исследований выяснилось, что при соотношении два к одному водород и кислород образуют взрывоопасную смесь. А теперь представьте, что случится, если корабль попадет в целое облако таких «шариков». Фейерверк будет раз в сто громче и красочней, чем в день коронации.

Ну да, что гномы, что людские подростки в этом сходятся, им только дай шанс взорвать что-нибудь, да еще со светозвуковыми эффектами...

– Судя по бумагам, – я постучала ногтем по краю папки, – фейерверк действительно вышел что надо. Разбитые стекла в радиусе полутора миль... и четыре тысячи фунтов пороха... не многовато ли для одного человека?

– Когда вызванный мной капитан из Королевских Саперов досчитался до этой цифры в первый раз, он тоже не поверил, – Кард усмехнулся, – собственной логарифмической линейке. Но в третий раз он все же пришел с полученным результатом ко мне.

Мысленно я попыталась перевести цифру из отчета во что-то более привычное и представимое. Воображение не подвело, тут же нарисовав ряд груженных доверху телег.

– И как же злоумышленник доставил эту гору пороха? Под слоем угля или в пивных бочонках? Или воспользовался *той самой* магией?

– А он ничего и не доставлял, – хихикнул Том. – Достаточно было лишь открутить вентиль у баллона с водородом в лаборатории. Пара минут – и все помещение превращается в мощнейшую бомбу. Можно сказать, профессор своей гибелью подтвердил высокую эффективность собственного изобретения.

Я тем временем добралась до последних листов папки. Удивительно, но результат работы комиссии по расследованию катастрофы кто-то все же сумел оформить в виде кратких и вразумительных выводов, сводившихся к фразе: *установить точные причины происшедшего не представляется возможным*. Впрочем, большинство ее членов, узнав о том, чем именно занимался покойный профессор, сошлись на версии о трагической случайности. «Чему суждено взорваться, то уж точно не утонет».

– И как вам *это* дело, инспектор?

– Никак! Восстанавливать картину происшествия по дыму и груде битого кирпича не умеют даже эльфы. Разве что... – я замялась.

– Давайте, выкладывайте.

– Злоумышленник был очень хорошо проинформирован о порядках в лаборатории. Вряд ли профессор задерживался там каждую ночь...

– Лотто!

В первый миг я решила, что полковник грязно выругался. Однако интонация возгласа все же казалась одобрительной, и, порывшись в памяти, я припомнила, где и при каких обстоятельствах слышала это слово прежде. Что-то связанное с нежно любимой дежурным нарядом игрой, там еще были бочонки с цифрами, карточки...

– Мы так же пришли к выводу, что преступник имел своего человека среди персонала лаборатории. К сожалению, пятеро ближайших сподвижников Элмана оказались в числе погибших. Наш оппонент, поразив свою основную цель, вполне мог заодно оборвать и единственную нить, ведущую к нему.

Кард явно собирался сказать еще что-то, но раздавшийся за дверью звонок заставил полковника оборвать речь на полуслове. Пронзительная резкая трель – этот звук мне был хорошо знаком, точно так же звонил телеграф и в нашем участке.

– Тайлер...

Полугном уже бежал к двери.

– Деша из комендатуры 4-го сектора! – крикнул он из коридора, подхватывая бумажную змейку. – Согласно 314-й... уведомляем... – Тайлер вдруг замолк, изумленно глядя на ленту.

– Ну что там? – нетерпеливо крикнул полковник.

– А... виноват, сэр. Они пишут нечто весьма странное, я не уверен...

– Просто прочитай, – велел Кард, – а я сам решу, перепились в комендатуре или нет.

– Понял, сэр, – Том глубоко вздохнул и отглотнул на выдохе: – В чартэмском предместье взбунтовался паровой голем!

* * *

Улица, по которой только что прошел взбесившийся паровой голем, представляет собой весьма занятное явление. Легкий ветерок с каждым порывом образует новые сочетания запахов, да и знакомые прежде обретают невиданную доселе остроту.

Вот, к примеру, раздавленная мясная лавка... нет, мимо нее лучше проходить быстро и зажав нос. Куда приятнее руины домика бакалейщика: чай, кофе, мука и различные крупы, все подернуто легким флером пряностей, слегка размыто маслами...

– Больше восьми тысяч, понимаете! – дотянулся до моих ушей очередной взвизг: – И не бродулами, гномы не любят ассигнации, да-с! Полновесными золотыми скаттерами! Новый, меньше месяца как сделанный паровой голем! Я прошу вас, нет, я настоятельно требую, – владелец строительной компании взмахнул пухлым кулачком перед самым носом полковника, – чтобы вы, сэр, приказали своим людям как можно бережнее относиться к нему!

Толстячок ораторствовал перед Кардом уже почти три минуты – и оставалось лишь удивляться выдержке полковника. Возможно, шеф не терял надежды извлечь из толстяка хоть унцию полезной информации. Мне же хватило одного взгляда на драповое пальто с бобровым воротником, чтобы понять: ничего толкового из этого типчика не вытянуть даже пыточными щипцами. Давно уже не видела столь безвкусно и вместе с тем тщательно пошитой одежды.

А вот встретивший нас местный констебль, напротив, произвел на меня весьма положительное впечатление. Осанка в стиле «штык проглотил» явственно намекала на армию, а массивная трость и причудливо скроенный левый башмак – на причину досрочного расставания с ней. Содержание отставника из нижних чинов, даже с учетом «кровавых грошей» за ранение, позволяет свести концы с концами разве что в глухой провинции, где, если верить слухам, ходят в домотканой одежде, а деньги видят раз в год, на ярмарке. Если же человек, да еще инвалид, остался в столице, но не спился, как сотни его собратьев, а начал строить карьеру заново – значит, он явно не дурак, а вовсе наоборот. И, надев полицейскую каску, следит за происходящим на участке не менее пристально, чем наседка – за яйцами в гнезде.

– В первый раз он оправился довольно быстро. Не потому что не любил свою Люси... нет, поймите правильно, мисс инспектор, любил, да еще как. Просто всю эту любовь Марвин перенес на дочурку. Она для него всем стала. И то сказать, – констебль привычным движением подкрутил седой хвостик усов, – трудно не проникнуться добрыми чувствами к эдакому ангелочку. Бывало, идешь после ночного дежурства, уставший, злой, на прохожих зыркаешь так, что шарахаются, ровно от дворняги бешеной. А тебе из-за угла навстречу выкатывается эдакий голубоглазый херувимчик и звонко так: «Доброго вам утра, дядя Поли-

ция!», – констебль вздохнул. – Сразу и на душе светлее, и рука вроде как сама по себе лезет в карман, за монеткой на сладости.

Что будет дальше, я уже догадывалась – это была далеко не первая трагедия, разыгравшаяся передо мной на фоне серых домов, таких же серых лиц и длинных, вечно дымящих фабричных труб. «Конец немного предсказуем», как любил повторять мой бывший сосед по столу в канцелярии.

– Доктор нашел людей, готовых оплатить лечение. Пожилая бездетная пара... девочка им очень понравилась, они даже соглашались, чтобы отец навещал ее – сами понимаете, мисс, очень великодушные условия для такого дела. Обычно детей, что называется, вырывают с корнем... да и, говоря по правде, многие рады сбыть лишний рот куда подальше. Но Марвин стоял на своем, что коннихорский баран. Бросил работу, просиживал у постели дочери ночи напролет. Говорили, она пошла на поправку, но тут кончились деньги, лавочки один за другим начали отказывать в кредите...

– О чем они теперь наверняка очень сожалеют.

До сих пор подобные замечания воспринимались людьми с одобрением, но сейчас правило дало сбой – констебль пожал плечами.

– Их дела и так пошли на спад, с тех пор, как в предместье завелся один из этих новомодных магазинчиков мистера Майнца, – сказал он. – В «свинке-копилке» не дают кредита, но товар дешевле и нет нужды подолгу торговаться с продавцом, чтобы получить хорошую цену. Вот и выходит: когда у людей появляются деньги, они оставляют их в «свинке», а когда деньги кончаются – они, как прежде, просят у лавочников отпустить им товар в кредит. Хотя, конечно, вы правы, мисс... прошу прощения, запомнил...

– Инспектор Грин.

– ...инспектор, знал бы кто из них, чем все обернется.

Словно подчеркивая его слова, раздалось грохочущее «бу-ум-шра-ах!» и очередной домик с вывеской рассыпался, словно детская поделка из веточек и бумаги. Толпа зевак, с трудом сдерживаемая цепочкой стражников и драгун, жадно подалась вперед – и почти сразу же откатнулась назад, когда навстречу ей из грязно-пыльной тучи шагнул стальной гигант. Неторопливо развернувшись, он встал посреди улицы и, коротко, презрительно свистнул, на миг распоров серое облако белым лезвием пара.

Удивительно, но я осталась на месте и даже не завизжала – хотя инстинкты эльфа хором требовали немедленно броситься прочь, куда угодно, лишь бы подальше от чудовищного механизма. Строительный голем не был столь велик, как дальняя родня из Королевской Тяжелой Бригады, его не покрывали гербы и сверкающая броня. Но и мрачная утилитарность пугала ничуть не меньше – хватало и простого понимания, что голем запросто способен раздавить любого из нас, походя, даже не заметив, как жалкая букашка обратится в кровавое пятно.

– Сделайте что-нибудь! – истерически взвизгнул толстяк, разом позабыв свои предыдущие требования. – Отдайте приказ стрелять! Пусть солдаты убьют этого безумца!

– От наших карабинов здесь толку нет, сэр, – обращаясь к полковнику, мрачно произнес подошедший командир драгун. Я не очень хорошо разбиралась в армейской символике, но, судя по золотым галунам и выпушке белого меха, перед нами стоял ротмистр или что-то около того.

– Кабина блиндирована не хуже, чем у боевых паровиков. Здесь нужны крепостные ружья или пушки, а стрелять свинцом, все равно, что, – кавалерист опустил руку на эфес палаша, – пытаться изрубить проклятую железяку.

– Но там же есть окна!

– Окна?! – фыркнул драгун. – Щели, не больше двух дюймов. Хотите стрельнуть по ним? Могу дать вам попробовать, но сначала отведу своих людей подальше – чтобы их не

размазало по мостовой, когда тот парень решит швырнуть в ответ что-то вроде стены. Ну что, попробуете? Эй, Кенни, дай сюда свою громыхалку!

– Шлюшаюсь, шар! – откликнулся один из драгун, мрачный громила, в родне которого не обошлось без троллей – над своими товарищами парень возвышался на добрый фут, короткая винтовка в его лапах выглядела детской игрушкой.

– Но я не умею... – толстяк попятился назад, отчаянно заозирался по сторонам и увидел меня. Точнее, мои длинные уши!

– У вас есть эльф! – заверещал он. – Эльфы могут попасть в любую цель хоть за милю! Дайте винтовку ей!

– Во-первых, – оборвал его Кард, – потрудитесь не тыкать в инспектора своими перстнями.

– А во-вторых, – вынырнул из-за спины полковника Том, явно решивший сегодня заслужить титул «спасителя эльфиек», – если мисс Грин, да и любой Перворожденный, попытается выстрелить из пятилинейного карабина системы Смайля, их ослепит вспышкой, оглушит грохотом выстрела и сломает плечевую кость отдачей.

– Так пусть стреляет из своего! – сбавил тон владелец голема.

– У меня нет оружия, – откинув полы плаща, я картинно развела руками, демонстрируя стройную талию без малейших признаков кобуры на поясе. Наглая ложь сработала. Застывший с открытым ртом строительный магнат не понял значения промелькнувших ремешков, а более внимательные зрители не очень спешили развеять его невежество.

– Еще какие-нибудь блестящие идеи? – холодно спросил Кард у толстяка. – Нет?! Жаль, жаль... мистер Тайлер, – полугном как раз пытался спрятаться обратно за спину полковника, но был вовремя изловлен за ворот, – полагаю, среди присутствующих вы более всех разбираетесь в устройстве паровых големов... и в том, как справиться с ним прежде, чем он обратит в щебень весь Клавдиум.

– Весь Клавдиум?! – недоуменно переспросил Том. – Но сэр, я не думаю, что запаса угля в бункере хватит больше чем на час интенсивной работы.

Полковник скрипнул зубами, я с трудом сдержала улыбку.

– Дотошен, как гном, верно, паренек? – коротко хохотнул драгун. – Ну да, на всю столицу этой штуки не хватит, максимум, что ему по силам – еще две-три улицы. – Кавалерист разом посерьезнел. – Несколько десятков домов, пара сотен людей без крова, без гроша в кармане... наверняка, каждый медяк у них вложен в эти лавчонки. Тебе ведь не хочется, чтобы таких бедолаг стало еще больше, верно? – Том отчаянно замотал головой, – тогда напряги башку и подумай: как нам остановить проклятую штуку здесь и сейчас.

Судя по страдальческой мине на лице Тайлера, он и впрямь «напряг башку» изо всех сил – или же у полугнома внезапно приключилось несварение желудка. Однако никакого результата потуги – мысленные или же иные – пока что не приносили. Только гримаса стала еще более жалостливой.

– Он действительно хорошо защищен, – пробормотал Том. – Если бы у нас была хотя бы выючная пушка... удары ядер могли бы вызвать течи в гидросистеме, а при удачном попадании заклинить суставный механизм.

– Ты видишь здесь хоть одну пушку, сынок? – драгун сделал шаг в сторону, давая возможность убедиться, что упомянутый предмет не притаился за его широкой спиной. – Наша полковая батарея сейчас в полевом лагере, в тридцати милях от города. Я послал курьера с донесением, но, даже получи они приказ выступать прямо сейчас, у них уйдет не меньше пяти часов...

– А если обратиться к флоту, сэр? – Том с надеждой взглянул на полковника. – В Ланнистере сейчас базируются две малые канонерки...

На миг мне показалось, что Кард сейчас бросится душить полугнома или разрывать его на части – брошенный им взгляд был из тех, что мои сородичи именуют «исполненными бешеной ярости». Однако полковник сдержался.

– Том, – после короткой паузы тихо произнес он, – ты слышал о них краем уха... а я *присутствовал* на испытаниях этих летающих каракатиц и видел своими глазами, на что они способны. После ракет Гейля и бомб здесь на милую в округе не останется целой стены. Все равно что тушить пожар керосином.

– Простите, сэр, – сник Тайлер. – Я... я просто не знаю, что еще...

– Боюсь, сэр, вы зря так давите на него, – наконец не выдержала я. – Возможно, Тайлер и разбирается в устройстве паровиков лучше нас всех, но нам-то нужно не починить, а сломать.

– Резонное замечание, – согласился полковник. – Осталось только узнать, у кого же из нас есть опыт борьбы с паровиками?

Вопрос, был, как говорят в таких случаях люди, риторическим. Разумеется, присутствующие прекрасно знали, кому чаще других приходилось сражаться против боевых големов. Только вот единственный наличный эльф никогда не воевала в легендарных «синих фонариках».

– Можно выкопать посреди улицы яму-ловушку.

– А наш дорогой друг из консервной банки все это время будет смотреть в небо, гадая, не пойдет ли дождик? – иронически осведомился Кард. – Кстати, а почему он сейчас там замер, словно памятник самому себе? Тайлер, по твоей части вопрос.

– Он по неопытности либо перегрел котел, либо, наоборот, позволил давлению слишком опуститься, сэр. И теперь ждет, пока оно вновь поднимется до рабочего уровня, – как только речь зашла о знакомых ему вещах, полугном вновь обрел уверенность и отвечал быстро и без заминки. – Но скорее верно первое – тот свисток был очень похож на сработавший аварийный клапан. Быстрый перегрев является общей проблемой для котлов с высокими параметрами пара – и системы Логана, и Виттоми, и Крэмбл-даль. А поскольку наш голем новый, то на нем, скорее всего, установлен именно такой котел. Проблемно, не очень-то надежно, но такова плата за относительно малые размеры и выдаваемую мощность, сэр.

– Скажи проще, сынок, – встрял кавалерист, – внезапная атака прямо сейчас ни к чему хорошему не приведет?

– Боюсь, что так, сэр. Там должны быть хорошие предохранительные системы. Конечно, если бы вам удалось заставить его активно двигаться хотя бы пять минут, начнутся проблемы с перегревом, но...

– Но за эти пять минут он заколотит нас всех на три фута под мостовую, – проворчал Кард. – А мы его даже не поцарапаем толком. Нет, не годится. Инспектор, как там поживают *ваши* идеи?

– Если нам удастся найти стальной канат или цепь... – неуверенно начала я.

– Хотите поставить на этой сцене второй акт вашей легендарной саги? – полковник изобразил, как подносит к лицу театральный бинокль. – А кто будет исполнять роль «Ходящего по небесам»?

Теперь пришла моя очередь скинуть. Все мои довольно скудные познания по паровым големам и борьбе с ними были почерпнуты из часовой лекции на курсе боевой адаптации. Которую ветеран антиброневого отряда, с багряно-желтой наградной вышивкой на плече и жутким ожогом на пол-лица, закончил на весьма пессимистичной ноте. *«Самой лучшей тактикой для вас будет следующее: забиться в какую-нибудь нору и надеяться, что у этой проклятой штуки никакущий обзор».*

Никакущий обзор...

– Том, – вскинулась я, – скажи, а как устроено место водителя голема?

Глава 4

В которой инспектор Грин изучает некоторые тонкости этикета.

По крайней мере, на этот раз Кард выслушал меня внимательно и без ироничной усмешки.

– Смотровые щели там куда больше, чем у боевых големов, – задумчиво произнес он, – и не прикрыты кольчужной сеткой или гномским сталестеклом. Поэтому ослепить его нам вряд ли удастся, но... идея про грязь мне нравится. Грязи тут много.

– О да!

На мой взгляд, «много» в данном вопросе являлось изрядным преуменьшением. Не столь давно, даже по меркам людей, возникшее фабричное предместье пока не обзавелось мощеными мостовыми – а три дождливых дня подряд обратили в грязь всю улицу, за исключением домов. К сожалению, грязь была недостаточно глубока, чтобы в ней утонул тридцатифутовый паровой голем.

– В любом случае, – продолжил Кард, – надо заканчивать с этим как можно скорее. Ротмистр?

– Слушаю вас, сэр!

– Нужно как можно дальше оттеснить зевак! – принялся командовать полковник. – А лучше вообще убрать всю толпу с улицы. Затем отправьте своих людей в ближайшие развалины. Бревна, доски, кирпичи – пусть забирают все, что пригодится для строительства.

– Строительства чего? – удивился драгун.

– Да чего угодно. Главное, чтобы наш друг из консервной банки хотя бы изредка поглядывал в вашу сторону. А вы – развернулся Кард к полицейскому, – срочно пошлите курьера в ближайший пожарный участок. Нам потребуется водометная повозка.

– Лучше бы послать конного, сэр, – почтительно возразил констебль, – выйдет не в пример быстрее.

С места, где мы стояли сейчас, не было видно пожарную каланчу, но я помнила, что характерная желтая башенка мелькнула за бортом незадолго до посадки – а значит, пожарная часть находилась не настолько уж далеко. Вероятно, констебль опасался, что на вызов, исходящий от полицейских, «длинные топоры» будут собираться очень уж неторопливо. Или не соберутся вовсе – разумеется, по крайне уважительной причине, так что и грозный полковник не найдет повода придрататься. В руках опытного человека, как я уже успела убедиться, в *нужный* момент сломается и самый-самый надежный механизм, даже такой, где и ломаться-то вроде бы нечему.

– Пусть возьмет наш воздушный катер! – не терпящим возражений тоном велел Кард. – Мне нужно, чтобы повозка стояла здесь не позднее чем через 10 минут. Или пожарная команда вместе с вашим курьером уже завтра будет осушать болота в Думнонии. Граф Карадок постоянно жалуется на нехватку пахотной земли, так что работы хватит на всех и надолго.

На мой взгляд, подобной угрозой полковник лишь ухудшил дело. Будь на месте отставного ветерана кто-то поглупее, – а среди констеблей таких дубов хватает, – он бы наверняка попытался подставить пожарных, пусть и ценой одного из собственных подчиненных. Оставалось надеяться, что я не ошиблась в расчетах и посыльный констебля сумеет найти для «топоров» нужные слова...

...и что увлеченный командованием полковник не придумает какой-нибудь невыполнимой работы для меня. Увы, эту мысль я даже не успела толком додумать – слишком стре-

мительно возникло вокруг полковника пустое пространство и слишком заметно выглядели в этой пустоте мы с Томом.

– А какие приказания будут нам, сэр? – полугном решил не дожидаться, пока Кард обратится к нам с традиционным для начальства вопросом: «Чего вы тут прохлаждаетесь, бездельники?»

– Вам? – хмыкнув, Кард снял шляпу и задумчиво поскреб затылок. – Вам лучше отойти куда-нибудь подальше... – я уже начала облегченный вздох, как вдруг полковник изменил курс на обратный, – хотя нет! Сгоняйте по-быстрому в табачную лавку и возьмите там дюжину пачек трубочного. Что-нибудь из дешевых сортов, мелкой нарезки.

– Сэр?! – Тайлер выглядел так, словно у него на глазах только что рухнул один из столпов мироздания, причем рухнул прямоком на макушку. – Вы же предпочитаете сигары!

– Выполняйте! – сухо велел полковник.

Полугном лишился дара речи. Я решила не дожидаться, пока он вернется и, вцепившись в рукав куртки, поволокла Тайлера за собой. Благо, Том был настолько растерян, что не пытался сопротивляться.

Лавка табачника пострадала значительно меньше своих соседей. Во всяком случае, она не была развалена до фундамента, после чего старательно втоптана в землю. То ли ее хозяин ссудил Марвину больше прочих лавочников, то ли наш бунтарь вообще не курил – но здесь он ограничился лишь одним ударом «кулака». Домик лишился крыши, чердака и верхней части фасада, но сохранил в относительной целости три стены, на которых – чудо чудное – осталась даже часть полок с товаром.

Самим табачником, разумеется, давно уже не пахло. Пахло, вернее, отвратительно воняло теми самыми дешевыми сортами, о которых возмечтал полковник – и концентрация вони была такова, что я зажала нос еще за три шага до порога.

– Э-э... мисс Грин?

– Шего?

– Я не курильщик, – выдавил Том, отчего-то покраснев до кончиков ушей. – Знаю, гном без трубки, как эльф без лука, но сколько ни пытался начать... так и не получилось. Затянусь – и кашлять начинаю так, что и не продохнуть.

– И что с тохо? – не поняла я. – Тебя ведь никто курить не заштавляет.

– Но я не разбираюсь в табаке! – с отчаянием выкрикнул полугном. – Как же мы найдем нужный полковнику сорт?!

– Тоше мне, проблема, – просипела я, – здесь етой дряни навалом. Вон, на полке шправа челяя хорка.

– Эта? – Том неуверенно коснулся пачки с вставшим на дыбы медведем, – простите, но... вы точно уверены, что именно этот табак нужен полковнику?

– Во-первых, ето не табак! – заявила я. – В етой пачке шмесь опилок, навоза и отходов бумажного производштва, в которую добавлено немного табака. Инохда. А инохда вместо него засыпают шушеную крапиву, потому что здешние покупатели товар ошенивают очень прошто: чем шильней дерет хорло, тем луше! И, во-вторых, да, уверена – как штарая, опытная курильщица!

– Вы?! – Тайлер выпучил глаза и согнулся в приступе кашля, неосторожно вдохнув слишком большую дозу пыльного воздуха. – Кха... Перворожденные... разве вы курите?

– Приходится, – я не стала вдаваться в подробности, хотя Том наверняка бы не отказался выслушать их... после того, как прокашляется.

Снаружи донеслось шипение, лязг, пол ощутимо вздрогнул. Мы с полугномом, не сговариваясь, ринулись к выходу – и так же дружно замерли, когда следующий «бух» ухнул дальше, чем первый.

– Уходит! – Тайлер облизал пересохшие губы. – Он уходит.

Его слова были тут же опровергнуты грохочущим ударом. Ломбард, определила я, вслушиваясь в симфонию разрушения, ну да, тот красный кирпичный домик, что стоял дальше по улице, два этажа под забавной островерхой крышей, бум-хрясь-шарах, уже один.

– Полковник с ним справится, – неуверенно заявил Том. – Для него это проще простого, как гайку законтрить.

– Надеюсь, – пробормотала я, осторожно выглядывая на улицу, – что ты прав. И полковник действительно ведаёт, что творит.

* * *

К нашему возвращению из табачного рейда посреди улицы уже громоздилась куча заборных досок, телеграфных столбов, стропил и обломков мебели, а в соседнем переулке – ну надо же! – суетились вокруг пузатого локомобиля люди в желтых плащах. Видно, посланный стражник был очень убедителен, раз «длинные топоры» не только появились на месте с неслыханным проворством, но и приволокли свои дорогие игрушки. Слишком дорогие, к слову, для пожарного участка далеко не самого богатого предместья. Интересно, с какой луны свалилось на них такое счастье?

Том с нашей добычей отправился на поиски полковника, я же, в поисках места, где меня точно не затопчут носившиеся взад-вперед солдаты, сама едва не налетела на констебля. Он стоял напротив переулка, наблюдая за действиями пожарных с таким озабоченным видом, словно те в любой миг могли бросить работу и ринуться вскачь по руинам, набивать карманы.

– Большой пожарный локобель. Ваши заклятые соседи богато живут.

– В прошлом году случился пожар на фабрике мистера Байера, – констебль кивнул в сторону трех высоких красных труб чуть в стороне от прочей коптящей рощи, – полыхнуло в красильном цеху, огонь перекинулся на склад... полтора-два тысяч бродов только прямых убытков, не считая восстановления и прочего. После этого на «длинные топоры» пролился золотой дождь от наших магнатов.

– После сегодняшнего дня он может пролиться и на вас, – заметила я. – Кто знает, на кого будет обижен следующий мститель?

Разом помрачнев, констебль медленно стянул каску и вытер платком лоб – только сейчас я обратила внимание, что, несмотря на утреннюю прохладу, мой собеседник изрядно вспотел.

– У заводов хватает и своих стражников, – заговорил он. – Платят им щедрее, чем казна, работы меньше. В мои дела они пока не лезли, так же, как и я – в то, что творится за заборами. И должен сказать, инспектор, меня как нельзя больше устраивает нынешнее status quo.

Положительно, мне везет на знатоков древнего языка, тоскливо подумала я. В носу першило, колени ныли, действие гномского варева давно закончилось и усталость мягкой лапой давила на затылок. Домой – и спать! Ха-ачу-у!

– В соседнем предместье уже вызывали кавалерию, – констебль указал острием каски на выстроившихся поперек улицы драгун, – для разгона митинга. В тот раз обошлось без белой стали, хватило и ударов ножами... но пять проломленных голов и десяток затоптанных заставили кое-кого задуматься. Через неделю эти «кое-кого» вломились ночью в мастерскую мистера Патерсона, оружейника, и прихватили там два десятка стволов, порох, свинцовые слитки. Когда заводчики снова призовут на помощь войска, пули полетят уже в обе стороны. В свое времечко я изрядно наслушался, как они свистят над головой, – сунув руку в карман, констебль вытащил блестящий кругляш на черно-красной ленточке, – и должен заметить, мисс инспектор, ничего хорошего в этом нет.

Приглядевшись, я успела превратить зевок в уважительный кивок – у лежащей на ладони медали «за храбрость» кроме стандартного королевского профиля имела еще и надпись по краю, а значит, медаль была «именная».

– С каждым годом становится все хуже, – констебль спрятал награду, – и это не ворчание старого брюзги, поверьте. Хотя я и в самом деле помню времена, когда на месте этих фабрик и барачников еще стояла деревня. Тогда утренний туман приходил снежно-белый, а не грязно-серый от копоти, в канале за мельницей я однажды выловил форель весом... – констебль вдруг замолк, тяжело дыша и глядя куда-то мимо меня.

– Идет большая гроза, – после долгой паузы произнес он. – Или даже буря, такая, что королевский трон зашатается. Заводов с каждым годом прибавляется, им уже мала наша старая добрая Арания, сырье и рабочих везут из колоний. Орки, гоблины и тролли варятся в одном котле с людьми, а кипит в нем отнюдь не простая похлебка. Заводчики же, в погоне за прибылью, все подсыпают угля в топку да плотнее прикручивают крышку. Поверьте, мисс инспектор, нет нужды в агитаторах, чтобы сказать: котел уже скоро рванет, заливая все вокруг кипящей лавой, – развернув ладонь, констебль очертил «святой круг», – и да пребудет милость Единого с теми, кто в тот час окажется рядом.

С подобным пессимизмом среди «участковых» полицейских я уже встречалась не раз и причины, как разъяснил один из клерков центрального дивизиона, были географического свойства. «Старый» Клавдиум, выросший из укрепленного замка на правом берегу Эффы, испокон веков с презрительной недоверчивостью взирал с холмов на раскинувшиеся напротив «черные» предместья. В случае бунта наподобие «Трех Дней Уотта» или «Горелой весны», столичному гарнизону достаточно перекрыть мосты и пустить по реке – а теперь еще и по воздуху – патрульные катера. Шансов перекинуть пламя мятежа на другой берег у бунтовщиков практически нет, история уже не раз доказала: ярость и гнев не спасают от картежных залпов. Но так же мало надежды спастись от обезумевшей толпы у тех «левобережников», что не успеют скрыться.

Если же очередной нарыв и впрямь готов прорваться... значит, я очень вовремя переметнулась под знамена полковника Карда. «Золотой Треугольник» наверняка будут оборонять почти столь же старательно, как и дворец Ее Величества. Маленькой эльфийке лучше держаться подальше от...

– Вот вы где!

На этот раз я успела заметить приближение Карда. Впрочем, перемешанная сапогами и подковами грязевая каша любого мастера скрадывания выдала бы предательским чавканьем.

– Отличная работа, табак именно такой, как надо! – с этими словами полковник вручил мне холщовую сумку, позаимствованную, судя по вензелю, у драгун. Из распахнутого зева сумки на добрую милю несло вышеупомянутым табачищем.

– Эльфийский мэцубуси, конечно, был бы еще лучше. Но, как говорится, если нет э... – Кард вдруг закашлялся, – нет гнома, сойдет и тролль. Во всяком случае, сработает гораздо лучше грязи.

Полковник явно переоценивал мои сонные умственные способности. Чего хочет Кард, я с трудом, но смогла представить, а вот как он собрался осуществить свой замысел?

Воображение и тут не оставило меня – я живо представила, как здоровяк-драгун, хрипя от натуги, бежит навстречу голему с телеграфным столбом наперевес, а на верхушке столба некая инспектор пытается изобразить ярмарочную мартышку.

– Займите позицию, – тонкий конец рупора в руке полковника описал широкую дугу, – вон за той стеной. Только быстро, – Кард широко улыбнулся, – представление вот-вот начнется, а у вас одна из главных ролей.

Я начала открывать рот, чтобы высказать полковнику все, что успела подумать о нем, безумных планах и способности эльфов прыгать на высоту тридцать футов, но Кард уже

рысил к пожарной машине. Людская женщина наверняка бы заорала ему в спину, да так, чтобы за три квартала окна звенели. Но для меня это был совершенно неприемлемый вариант. И вообще... если тупой вояка не понимает разницы между эльфийкой и белкой-летягой и не желает задержаться хоть на миг, чтобы ему эту разницу растолковали – пусть пеняет на себя. Он сам приказал мне спрятаться за стену – и ничего больше, а такой приказ меня вполне устраивал.

Бежать пришлось очень быстро, и все же я еле успела. Стоило только привалиться боком к уцелевшему огрызку стены, как позади надрывно завывла сирена, извещающая о начале обещанного Кардом представления. Вой тянулся секунд пять, не меньше, затем оборвался на полувзвизге, и осталось лишь торопливо-захлебывающееся «чух-чух-чух» пожарного насоса.

Струя воды была направлена точно в «затылок» голема – но, как я и опасалась, напора не хватило, чтобы заставить огромную машину потерять равновесие. К тому же, давления хватило лишь на пару секунд – затем почти прямая струя превратилась в дугу, впустую проливаясь на полпути между повозкой и големом. Почти сразу из образовавшейся лужи вверх ударили брызги, заливая все вокруг, включая и одну маленькую, несчастную и очень, очень промокшую эльфийку. К счастью, буквально в последний миг я успела прикрыть сумку плащом.

Огромная машина развернулась – на миг мне показалось, что в смотровых щелях полыхнул зловещий алый отблеск, – застыла, разглядывая обидчиков, а затем двинулась вперед. Обманчиво медленно, каждый шаг, казалось, длился вечность по сравнению с мельтешением разбегающихся человечков – иллюзия, порожденная разницей в размерах. Вот железный «башмак» пошел вниз, глубоко впечатавшись в землю, злобно прошипели скрытые под обшивкой «мышцы» поршней... еще два великанских шага, и голем оказался почти рядом со мной. Умом я понимала, что из кабины меня не видно, а если даже и видно, сидящего там человека вряд ли интересует замершая в ужасе букашка. Но телом сейчас управлял не рассудок, а инстинкт, громогласно требующий слиться с остатком стены! как угодно! хоть в щели затечь, вместо штукатурки! Дыхание перехватило, зато сердце, наоборот, застучало втрое быстрее.

– А теперь – самый полный! – донесся до меня сквозь стук в висках жестяной взрев рупора.

Водная струя тут же вновь обрела прежний напор – и даже усилила его. Сверкающий брызгами поток, словно клинок шпаги, уперся в корпус голема чуть ниже водительской кабины. Несколько томительно-долгих секунд две силы боролись на равных, но вот окутанный брызгами и паром гигант чуть качнулся и начал заваливаться назад, все быстрее и быстрее. Вот с оглушительным чавканьем вывернулись из лужи «подошвы», а в следующий миг земля тяжело содрогнулась.

Голем был повержен – но еще не побежден. Пришло время моего выхода на сцену, только вот ноги актрисы будто корни пустили, напрочь отказываясь нести свою хозяйку к цели. Невозможно... противоестественно для эльфа по собственной воле приблизиться к такому огромному и опасному механизму... да к тому же, бежать придется через грязь! Нет, грязь-грязь-грязь-ГРЯЗЬ!

– Гнилые корни! – выплюнула я полный рот воды напополам с ругательством. Страх пропал разом, напрочь, полностью заменившись на омерзение. Так низко я еще не падала за всю свою жизнь. Я, Перворожденная – и в грязную лужу?!

Не пытаясь утереться – отчего-то мысль лишний раз коснуться жижи руками была еще противней ощущения потеков на лице, – я добрела до водительской кабины и вытряхнула в смотровую щель все содержимое драгунской сумки. Часть смеси подмокла, но и оставшегося вполне хватило, чтобы изнутри донесся могучий чих. Затем еще один... и еще... ну а

после того, как свою сумку опорожнил добравшийся наконец-то Том, чиханье стало почти непрерывным, перемежаясь лишь кашлем и сдавленными проклятиями.

Потом набежавшие драгуны с радостными воплями стащили Тайлера за ногу вниз и принялись подбрасывать беднягу в воздух, не обращая ни малейшего внимания на отчаянные вопли «героя». Прodelать то же со мной они, к счастью своему, не решились.

Решился полковник – с неожиданной для человека легкостью запрыгнув на кабину, он молча протянул мне что-то белое. Древние деревья! Чистый платок из хлопка, которым можно стереть грязь... только вот...

– Он чистый... был! – Кард жестом фокусника взмахнул у меня перед носом еще одним лоскутом, побольше, и с рваным краем. – В учебнике этикета сэра Персиваля сказано, что настоящий джентльмен должен иметь при себе два платка: для услуг дамы и личных нужд.

– А там не сказано, должен ли настоящий джентльмен посылать даму на опаснейшее задание, да еще в грязную лужу?

– Увы, об этом учебник умалчивает. Думаю, сэр Персиваль даже помыслить не мог о подобном. С другой стороны, мне очень редко удается побыть настоящим джентльменом. Специфика работы, как видите, не благоприятствует. И вообще, – полковник выудил откуда-то из-под плаща пузатую фляжку и протянул мне, – вот, глотните, а то меня сейчас загрызет совесть от вашего несчастного вида.

Внизу драгуны, наконец, перестали кидаться Тайлером и торжественно понесли героя вверх по улице. Их место заняли куда более деловито настроенные пожарные с ломami и кувалдами. Тут же нарисовался и давешний толстячок в пальто, но его вопли с края лужи были заглушены лязгом и грохотом вскрываемого металла.

– Очередной древний гномский рецепт? – с подозрением спросила я, откручивая крышку. Характерного запаха сивушных масел не чувствовалось, из горлышка струился только слабый приятный аромат с оттенками лимона и грейпфрута. Впрочем, после такого купания и насморк подхватить немудрено. Только простуды мне и не хватает для полного счастья... кха-кха-кха! Пень горелый!

Воздух застрял в обожженном горле, глаза, казалось, уже вывалились из глазниц и держались на стебельках нервов – и так длилось вечно, пока деликатное похлопывание по спине не вернуло меня к жизни.

– Очередной современный гномский рецепт, – полковник осторожно выдернул фляжку из моих застывших пальцев. – По большей части вода, очень чистая, плюс, – Кард сделал большой глоток и, как ни в чем не бывало, продолжил, – такой же чистый этиловый спирт. Подробности можно узнать у Тайлера, если захотите. У меня никогда не хватало мозгов запомнить все эти ректификационные колонны, осмотическое протягивание и прочие химические премудрости.

– Nevermore!

– К сожалению, я не понимаю воронье карканье...

– Никогда больше, – я запнулась, дыханье пока еще оставалось затрудненным, – никогда больше не шутите со мной *так*! ЯСНО?!

– Мне часто указывают на мое странное чувство юмора, хотя на самом деле, – полковник снова приложился к фляге, – я пользуюсь им куда реже, чем кажется со стороны. Например, сейчас я отнюдь не шутил. Вы были промокшей, дрожали, как лист на ветру и, уверен, при всем вашем знаменитом эльфийском иммунитете, глоток алкоголя пришелся к месту.

– Ах, так это забота...

– Вы уже несколько часов, как моя подчиненная, – напомнил Кард. – Привыкайте.

Я содрогнулась и вовсе не от холода.

– Что с ним будет дальше?

– Королевский суд, – полковник задумчиво глянул на фляжку, вздохнул и принялся завинчивать колпачок, – самый беспристрастный и справедливый, как общеизвестно. Дело простое, рассмотрят его быстро. *«Вы осуждены и будете оставаться в тюрьме, где находились до сих пор, и выйдете оттуда к месту казни, где будете повешены за шею и будете висеть, пока не умрете. Да смилостивится Единый над Вашей душой»*, – судя по интонации, Кард подражал кому-то хорошо знакомому. – Приговор королева всемилостивейшие заменит на бессрочную каторгу. В очередной четверг героя-мстителя в кандалах доставят в Скаузер, на борт «Ликтора» или «Магдалены». Там скучный клерк в пыльном сюртуке и протертых до дыр нарукавниках предложит самоучке-водителю на выбор: свинцовый рудник или служба в Легкой Броневой Бригаде, Пограничный Легион и шанс через пятнадцать лет вернуться с полным помилованием. – Кард невесело усмехнулся. – В колониальные части посылают только самых примитивных големов, по большей части даже не гномских, а нашего собственного производства, да и те списаны по износу из армейских полков – поэтому машин там больше, чем водителей, хоть немного знающих, как держаться за рычаги. А еще: черная лихорадка, оркские ямы-ловушки, командиры из карабкающихся по трупам и головам юнцов-карьеристов или вышвырнутых из регуляров за полную некомпетентность стариков. И прохудившийся котел, готовый взорваться в любой миг. Самое же забавное, – после паузы добавил полковник, – что некоторые остаются и после окончания срока. Наверное, уже просто не представляют себе иной жизни.

– Вы... там были?

– Бывают дни, – медленно произнес полковник, – когда мне кажется, что я так и не вернулся.

* * *

В дверь стучали. Подозреваю, что занимались этим довольно давно, начав – получасом ранее – с деликатного постукивания. Все-таки иногда люди бывают потрясающе наивны. Нет, конечно, слух у эльфов острее человеческого, но после адаптации к звукам надземной железной дороги он становится, скажем так, избирателен. В нашем районе действовали две яростно конкурирующие компании «паровозов-по-крышам»: «Клавдиумская северо-западная» и «Макклахан и Гнурф», имевшие лицензии на пятнадцати- и тридцатифутовые уровни соответственно – а моя мансарда находилась как раз на углу, где пересекались обе линии, из-за чего свист, грохот и лязг раздавались за окном в два раза чаще.

– Кто там?

– Лейтенант Аллан О'Шиннах, по поручению полковника Карда, – сообщила дверь.

– Карда? – простонала я из-под подушки. – Опять?! Он же обещал дать мне выспаться! Вы хоть знаете, который сейчас час?

– Прошу прощения, – за дверью раздался четкий «вкусный» щелчок открываемых часов, – но сейчас уже почти два и полковник сказал...

– Гнилые корни!

Еще не проснувшееся до конца, но уже очень резвое существо заметалось по мансарде, чудом ухитряясь не свалить на пол расставленные повсюду горшки с растениями. Чистая рубашка отыскалась в шкафу, левый тапок – под умывальником, искать второй времени уже не оставалось. Наспех застегнув пуговицы, я распахнула дверь и...

– Ой!

Наверно, возглас вырвался все-таки у меня. В конце концов, именно я узрела живое воплощение всех девичьих грез: человеческих, эльфийских и, наверное, гоблинских. Лейтенант Аллан О'Шиннах был идеален, весь, от носков зеркально начищенных сапог и до кончика пера на шляпе. Даже флотский мундир, в котором, казалось бы, казенные строки

предписаний не оставили простора для фантазии, неведомый портной сумел превратить в настоящее произведение искусства. Формально синий, цвет основы на деле был ближе к фиолетовому и превосходно сочетался с рубашкой, чья белизна опасно замерла на самом краю светло-голубого оттенка. У лейтенанта также достало вкуса не разрушать строгую гармонию формы кричаще-варварской роскошью эполет, ограничившись скромной полоской полупогона. Аналогичную разумность О'Шиннах продемонстрировал и в подборе оружия, подцепив на пояс короткий дагер вместо сабли. Теперь добавьте к портрету лицо с классически правильными, хоть и не совсем эльфийски тонкими чертами, длинные волосы цвета «холодного золота», голубые глаза и великолепно скомпонованные духи, с нотами бергамота, мускатного ореха и лаванды – и вы, надеюсь, поймете хотя бы небольшую часть моих чувств.

Человек же увидел всего-навсего встрепанную полусонную эльфийку в криво застегнутой рубашке.

– Мисс, – лейтенант первым оправился от шока. – Приношу свои глубочайшие извинения. Если бы вы только сказали, что еще не закончили утренний туалет...

– Я быстро! – не очень уверенно пообещала я. – Вот увидите, я сейчас...

– Нет-нет, – торопливо возразил лейтенант. – Я подожду за дверью... еще раз примите мои глубочайшие извинения... я крайне сожалею, что вы были вынуждены встретить меня в таком виде...

Только когда дверь вновь закрылась, я вспомнила, что у людей рубашка числится *нижним* бельем и разгуливать в ней даже по дому, без халата или хотя бы жилета, считается верхом непристойности. Пень трухлявый... когда же я, наконец, запомню все их дурацкие табу!

Полусонная белочка вновь заметалась по комнате. Шейный платок, брюки, пиджак... форменный плащ после утренних приключений явно нуждался в услугах прачечной, поэтому я недолго думая выдернула из шкафа желто-клетчатого любимца, а в пару к нему – «оленью» кепку. Времени на укладку волос уже явно не оставалось, и я позволила им рассыпаться по плечам – в конце концов, длинные уши под кепку не спрячешь. Так, теперь осталось повесить кобуру, рассовать по карманам две дюжины жизненно необходимых мелочей, которые я постоянно забываю и...

– Я готова!

– Вы собираетесь идти в *этом*? – кажется, вид моих ног в брюках шокировал О'Шиннаха куда больше, чем без них.

– А в чем дело?

– Но... это же мужская одежда.

– Это *моя* одежда, – с нажимом произнесла я. Лейтенант Аллан О'Шиннах стремительно терял мое расположение. – И она полностью соответствует пятому протоколу Кеннenvильских соглашений.

Над которым одна юная эльфийка когда-то имела глупость посмеиваться. В самом деле, к чему в важнейшем дипломатическом документе пункт, регламентирующий допустимую длину юбки?

– Простите, но, кроме протокола, есть еще и другие правила, – заявил О'Шиннах тоном взрослого, разясняющего ребенку, что трава зеленая, а небо синее. – Приличия... этикета...

– Да-да, – поддакнула я, – как я успела заметить, наш общий друг полковник является большим знатоком этикета.

– Полковник Эдмонт Кард? – от удивления лейтенант даже сбился с поучающего тона.

– Именно, – промурлыкала я. – А что, вы не замечали за ним ничего подобного?

– Я... – лейтенант замолк и вновь продолжил, уже прежним наставительным тоном: – Я не собираюсь обсуждать с вами моего командира, мисс Грин. Тем более что сейчас речь идет о вас. И о вашем...

– Костюме, – мрачно закончила я. – Который вас чем-то не устраивает.

– Но ведь он, – О’Шиннах вновь сделал паузу, видимо, пытаясь подобрать наименее оскорбительный эпитет, – странен, можно сказать, нелеп. Например, ваш головной убор... мало того, что его носят исключительно мужчины, но, помилуйте, это же «оленья» кепка, ее надевают лишь на охоту! Ни одному человеку в здравом уме не придет в голову надеть ее в городе.

– Если вы до сих пор не обратили внимание, лейтенант О’Шиннах, я – *не* человек!

– Прошу прощения, мисс, – лейтенант словно не замечал угрожающих ноток в моем голосе, – но считаю себя обязанным заметить, что вы совершенно точно – не мужчина. Следовательно...

– Еще одно слово, лейтенант, – процедила я, – и я решу, что вы совершенно точно – не джентльмен!

Угроза подействовала. О’Шиннах замолчал и, слегка изогнувшись – на более изящный поклон ему просто не хватило крохотной лестничной клетки, – пропустил меня к ступенькам. Сам он предпочел спускаться, отставая на целый пролет от меня – наверное, чтобы никто не заподозрил *его элегантность* в каких-то гнусных связях со столь неподобающе одетым существом.

Внизу же меня ждал очередной сюрприз. Учитывая привычку нового шефа к быстрым перемещениям, я приготовилась к полету – но полковник в очередной раз удивил меня. Он прислал за мной карету, нет, не так – **КАРЕТУ!**

Обычно в таких случаях говорят «величиной с дом», но я видела много домов, заметно уступавших по размерам этому экипажу. Одни лишь колеса в человеческий рост вызывали трепет и почтение, а стоявший чуть дальше по улице кеб выглядел детской игрушкой, забытой ребенком рядом с настоящей каретой.

– Надеюсь, – с легкой иронией осведомилась из-за спины, – вас не страшит поездка на вершине технического прогресса?

– Еще как страшит! – при воспоминании о гномской повозке я невольно вздрогнула.

– В таком случае, примите мои соболезнования, – лейтенант обошел выросшее на тротуаре дерево по имени Фейри Грин и продолжил, – но фамильное поместье Бентинк находится в двадцати милях к югу от Клавдиума и пешком туда мы добрались бы не раньше полуночи. К тому же полковник решил, что эта игрушка из личного гаража принца Перри произведет более внушительное впечатление.

Только теперь я сообразила, что поблизости не видно лошадиной кавалькады – а чтобы сдвинуть эту повозку с места, явно потребовалось бы не меньше полусотни конских сил, причем не изящных рысаков, а приземистых массивных тяжеловозов. Дымовой трубы у повозки тоже не наблюдалось, равно как и «чух-чух-чух» парового котла – изнутри доносилось лишь низкое гудение, словно в громадном багажном ящике заперли шмеля соответствующих размеров.

– ЭТО вообще как ездит?

– На электрической тяге, – О’Шиннах взялся за вычурную ручку, почему-то приделанную не на двери, а на корпусе сбоку от нее, повернул на пол-оборота – и массивная дверь медленно сдвинулась, открывая путь в сказочную пещеру.

– Прошу вас.

Мне очень хотелось пискнуть что-то вроде: «А оно меня точно не проглотит?», но продемонстрировать испуг перед этим лощеным красавчиком аристократом? Не дожидаясь и за век, решила я и, надменно выпятив подбородок, прошествовала внутрь.

Глава 5

В которой инспектор Грин вращается в высшем обществе.

Если снаружи карета подавляла размерами, то внутри она ослепляла – в самом прямом смысле. Режущий свет ламп буйно плясал тысячами бликов на ручках, окантовках и прочих зеркально сверкавших поверхностях. Мистер Никель и мистер Хром очень постарались оставить свой отпечаток везде, куда только смогла дотянуться рука мастера.

– И как вам?

Дверь за лейтенантом с тихим шипением встала на место, и одновременно лампы убавили накал. Еще одно шипение, более громкое, заставило наш экипаж покачнуться и стать выше – да-да, взгляд в окно подтвердил, что с моими ощущениями все в порядке, и до булыжников мостовой теперь ярда два-два с половиной, не меньше.

– Впечатляет, не правда ли?

– Еще как! – вырвалось у меня.

Этот потрясающий экипаж не просто был размером с дом – он и являлся настоящим домом на колесах, причем домом роскошным. Если не смотреть в окно, за которым уже начали проплывать фонарные столбы, то можно легко представить, что я нахожусь в гостинной особняка, ожидая, пока вышколенный дворецкий не пригласит подняться наверх, в кабинет милорда. Ноги утопали в пушистом, словно трава на опушке, фарсийском ковре. Два огромных дивана ненавязчиво сулили бесконечное блаженство тому, кто отважится упасть на один из них и зарыться в гору вышитых подушечек. За диванами высились самые настоящие шкафы: ближе стоял книжный, за ним витрина с пузато-граненой выставкой шедевров от мастеров лозы и перегонного куба. Назначение самого дальнего сооружения, из отлично выдержанного атласного дерева, я с первого взгляда не угадала, и лишь расслышав на очередном ухабе мелодичный звук, наконец, поверила, что создатель невероятной повозки озаботился даже музыкальным оснащением – в виде пианино мастера Хокинса.

– Вторая комната за переборкой, – О’Шиннах, явно довольный произведенным на дикарку из леса впечатлением, указал на стену, из-за которой доносилось знакомое гудение, – там находятся кровать, гардероб, ванна с горячей водой...

Интересно, подумала я, если очень попрошу полковника, он позволит мне поселиться здесь?

...а также иные места, необходимые для комфорта в долгой дороге.

– Комната для прислуги? – с невинным видом уточнила я. – Или винный погреб?

– Я оценил вашу иронию, – кисло произнес лейтенант.

Мысленно я показала этому надутому, словно пурпурная жаба, спесивцу язык, воткнула в зад павлинье перо и заставила прокукарекать. В реальности же, увы-увы, пришлось изобразить примерную выпускницу монастырской школы и присесть на край дивана, чинно сложив руки на коленях. Лейтенант опустил напротив, приняв куда более расслаблено-валяжную позу – и мне сразу захотелось швырнуть в него подушкой.

– Что сказал полковник?

– Как обычно – немного. Нам с вами необходимо явиться в поместье Главы дома Бен-тинк, милорда Оука, – выдав эту фразу, О’Шиннах вновь замолчал, очевидно, решив, что сказанного более чем достаточно.

– Явиться для чего? Допросить старого лорда?

На миг сквозь аристократическую маску проступил откровенный ужас – будто я предложила выкатить из Храма Боевой Славы старинную каронаду и пальнуть из нее по королевскому дворцу напротив.

– Разумеется, нет, – тон лейтенанта казался холоднее айсбергов. – Подобные полицейские замашки пригодны для работы с чернью, но совершенно недопустимы в высших слоях общества. Мы же направляемся выразить лорду Оуку наше сочувствие в связи с трагической кончиной одного из членов Дома.

– Великий Лес, как все запущено, – прошептала я.

– И учтите! – добавил О’Шиннах. – Говорить с милордом буду я. Приказ полковника. Согласие лорда Оука на встречу – редчайшая удача, и я не позволю вам разрушить ее одной необдуманной фразой.

– В таком случае, для чего вообще потребовалось выдирать меня из кровати?

– Чтобы вы слушали! – резко произнес лейтенант и, чуть помолчав, нехотя добавил: – Вы сможете заговорить, если милорд сам обратится к вам... или же вы сочтете это действительно необходимым.

Я задумалась. Вряд ли полковник верит в сказки о том, что эльфы чуют ложь. Уловить можно лишь запах пота... расслышать волнение в голосе... или просто увидеть, как собеседник вдруг старательно прячет взгляд. Конечно, мало шансов, что подобные нехитрые фокусы сработают с главой Дома, у которого привычка к лицедейству въелась в кровь не хуже, чем у актеров Королевского театра. Но, как приговаривают в таких случаях гномы: лучше пусть дитя каждый день таскает домой пирит, чем однажды пропустит самородок.

Наш экипаж тем временем добрался до выезда из квартала, обогнул две сцепившиеся постромками ломовые телеги, а затем издал пронзительно вибрирующий гудок, заставивший шарахнуться в стороны всадников и обычные кареты. Возникшая посреди улицы просека позволила машинисту разогнаться почти до двадцати миль. К моей невероятной радости, ничего похожего на вчерашнюю зубодробительную тряску так и не проявилось – только едва ощутимые толчки, словно экипаж потряхивало на стыках невидимых рельс.

Поскольку мы с красавчиком-лейтенантом, похоже, успели исчерпать все темы для разговора, я развернулась к нему спиной и, опершись локтями о спинку дивана, приступила к одному из своих любимых клавдиумских развлечений – созерцанию. Благо, за стеклом бурлил Адмиралтейский Проспект – самая широкая улица в столице. Именно с легенды о нем началось мое знакомство с Клавдиумом. Давным-давно аранийский король, услышав, что верзандийцы торжественно провезли по улицам своей столицы захваченный у Королевского Флота шлюп, дал клятву проделать то же самое с флагманским линкором Верзандии. В числе прочих, к исполнению клятвы были привлечены и архитекторы, спланировавшие не только новое здание Адмиралтейства, но и площадь перед ним, посреди которой на постаменте должен был быть водружен будущий трофей. А также соответствующих размеров «дорогу» от реки до места «стоянки».

Легенды... Клавдиум наполнен ими до краев, иногда мне кажется, что здесь каждый булыжник мостовой таит под серой скорлупой захватывающую историю. Если бы камни могли говорить... впрочем, тут и без камней хватает любителей потрепать языком за кружкой пива. А еще – запахи всего мира, спрессованные в узких пакгаузах двух портов: Старого, для водников и стремительно разрастающегося Нового, для воздушных кораблей. И, конечно же, буйства красок и стилей, от строгой практичности гномов, с их немаркими темными цветами, до дикарской пестроты гоблинов... впрочем, некоторые люди им почти не уступали. Такого в Лесу не увидишь и за тысячу лет, здесь – каждый день, с утра до вечера.

Глядя на проспект, я в очередной раз испытала дикое и совершенно иррациональное желание сшить себе настоящее человеческое платье: с высоким воротником, корсетом на шнуровке и бесчисленными юбками до земли, обязательно кружевными. А увенчать творе-

нием безумного шляпника – ведь все мастера женских шляпок безумны, вне всякого сомнения. Конструкции из лент и перьев, которые сейчас в изобилии мелькали за моим окном, могло родить лишь очень большое воображение.

– Если повезет, – лейтенант решил все-таки нарушить мрачную тишину салона, – мы доберемся в Таллибардин менее чем за два часа.

– В Талли-куда? – переспросила я. Произнесенное О’Шиннахом название смутно ассоциировалось у меня лишь с уважаемым среди наших участковых троллей крепким напитком.

– Так называется поместье, – с видом «стыдно не знать» сообщил О’Шиннах. – Родовые земли Дома Бентинк, как вам *должно быть* известно, находятся на полуострове Келлэсей. И там же, – помолчав, добавил он, – находится знаменитая винокурня, доход с которой позволил одному из первых глав Дома приобрести поместье под столицей.

– Спасибо, теперь понятно, – пробормотала я. Факт действительно забавный – до сих пор я считала, что людские аристократы предпочитают не вспоминать об источниках благосостояния их семейств. Однако упомянутый лейтенантом глава, по всей видимости, не видел ничего зазорного в медленном отравлении окружающих продуктом перегонки зерновых.

– Говорят, с высоты Таллибардин выглядит почти так же, как эльфийские леса, – продолжил О’Шиннах. – Жаль, право, что нам в этот раз не представится случая убедиться...

– Да-да, очень жаль, – поддакнула я. – Но и поездка, – я провела рукой по дивану, – в электрической карете для меня тоже весьма интересное... приключение. Удивительно, что вся ваша знать не пересела в подобные машины.

Воображение тут же принялось широкими мазками рисовать передо мной картину чудесного города, чьи девственно-чистые улицы никогда не были знакомы с угольной копотью и лепешками конского навоза.

– Вам лучше поговорить с Тайлером, – отчего-то разом поскучив, произнес лейтенант. – Наш гном разбирается в технических деталях значительно лучше меня... а готовность рассказывать о них часами порой делает его весьма утомительным собеседником.

– Положим, – парировала я, – некоторые готовы часами слушать рассказы об этих технических деталях без всяких признаков утомления.

– В таком случае, – встав, О’Шиннах неторопливо прошелся вдоль салона и остановился перед книжным шкафом, – лично я могу лишь порадоваться, что мы лишены сейчас общества Тайлера, и, следовательно, *никто* не помешает мне оставшуюся часть пути насладиться... скажем, вот этим сборником сонетов Роджера Меннерса.

– Пятого графа Ретленда? – я все же не удержалась от детского желания оставить за собой последнюю стрелу. – А... правда, что его стихи на самом деле принадлежат перу некоего ростовщика из Стратфорда?

– Совершеннейший вздор! – вторично мне удалось пробить чопорную маску, только в этот раз наружу выглянул не ужас, а возмущение. – Только глубокий невежа может отстаивать подобные теории! Любому же образованному чел... гм, разумному существу очевидно, что классические произведения аранийской поэзии никак не могли быть созданы замшелым провинциальным мещанином. Все в них, буквально каждая строфа, образы, словарный запас, наконец, свидетельствуют, что их автором являлся человек, не только достигший высот в академической учебе, но и повидавший мир. И, разумеется, благородного происхождения.

Похоже, я нашла тему, на которую уже сам О’Шиннах готов изрекать многочасовые монологи... выслушивать которые у меня сейчас не было ни малейшего желания.

– Благодарю, лейтенант, – воспользовавшись короткой паузой, быстро вставила я, – вы исчерпывающе ответили на мой вопрос. Желаю вам приятно провести остаток пути в обществе великого Меннерса.

* * *

Я опасалась, что вид электрического монстра с королевским гербом на дверце ввергнет привратника в ступор. Однако тот либо прошел хорошую подготовку к должности, либо уже успел повидать и не такие чудеса.

– Как прикажете доложить о вас?

– Инспектор Грин и лейтенант О’Шиннах к лорду Оуку, – сообщил Аллан. – Милорду должно быть известно про наш визит.

– Милорд ожидает вас в чайном домике, – судя по тому, что привратник даже не пытался связаться с кем-то в доме, соответствующие инструкции ему дали заранее. – Сожалею, но вашему экипажу придется ждать вас за воротами. Наши аллеи слишком малы для него.

Судя по тому, что я видела сквозь решетку, аллея от ворот к особняку протянулась не меньше, чем на милю. А чайный домик, вероятно, находится где-то за домом, в глубине огромного парка. Не то, чтобы перспектива прогулки под сенью вековых каштанов сильно пугала меня, но все же...

Ответом на мои опасения стало приближающееся цоканье подков – и вскоре по ту сторону ворот замерла изящная пролетка, с нетерпеливо бьющим копытом гнедым и невозмутимо замершим на сиденье кучером-орком в черной с серебром ливрее.

– Садытес!

– И помните, – шепнул мне лейтенант, делая вид, что помогает даме забраться в пролетку, – ни в коем случае не говорите сами! Только если милорд сам обратится к вам!

– Может, вы мне сразу кляп в рот затолкаете? – прошипела я в ответ.

Ответный взгляд О’Шиннаха лучше всяких слов сообщил мне, что именно так он бы и поступил, найдись у него подходящий темный чулан – и парочка дюжих слуг. Отвернувшись, лейтенант принялся со страдальческой миной разглядывать проплывающие мимо заросли таволги. Я последовала его примеру, с трудом сдерживая злорадную усмешку. Впрочем, особым разнообразием пейзаж не баловал, наоборот – с воистину маниакальной тщательностью подстриженные ряды зеленых кубов, параллелепипедов и конусов с полусферами наводили тоску и мысль о гноме-садовнике, изгнанном из-под горы за садистские наклонности. При виде молодого тюльпанового дерева, чья крона была совершенно варварски превращена в куций шарик, я едва сдержала слезы. *«Выглядит почти так же, как эльфийские леса»*... да как у него язык повернулся!

К счастью, владения сумасшедшего геометра закончились, как только наша коляска обогнула правое крыло особняка. Вместо клумб – разросшиеся и местами слившиеся разноцветные кляксы. Тщательно подогнанная плитка дорожки сменилась деревянной конструкцией наподобие мостков, чуть приподнятой над землей. В стороны от нее то и дело разбегались утопанные тропинки. Судя по крохотным, кислым даже по виду, дичкам груш, в эту часть сада работников ножниц и грабель не допускали уже лет двести, если не все триста.

– Приехали!

– Приехали куда? – вопрос лейтенанта был вполне уместен, учитывая, что поблизости не имелось даже вышеупомянутых тропинок.

– Вас ждут там! – черный коготь уперся прямо в колючую и настороженно жужжащую на разные лады стену цветущего шиповника. Подступы к ней надежно прикрывались отрядами крапивы и чертополоха.

О’Шиннах посмотрел на меня так, словно ждал, будто ушастой лесной деве достаточно щелкнуть пальцами, после чего сорняки разом истлеют, а кусты сами по себе выкопаются и расстелятся, почтительно склонив к земле ветки.

– Не смотрите на меня так! – не выдержала я. – Эти колючки мне нравятся не больше вашего! А на шмелиный яд у меня вообще аллергия!

– Понятно.

Лейтенант еще раз посмотрел на заросли... на свой мундир... тяжело вздохнул и двинулся вперед, с каждым шагом цепляя на форменное сукно с полдюжины фиолетовых шариков. Он уже почти добрался до шиповника, когда кучер вновь соизволил раскрыть рот.

– Справа дорожка имеетсся, мистер!

Чайный домик, который лорд Оук решил избрать местом встречи, выглядел, на мой взгляд, довольно странно. В пяти ярдах от берега на водной глади стоял круглый павильончик, чем-то похожий на вычурную шляпную коробку. От него, словно лепестки счастливого клевера, разбегались в стороны четыре крытых галерейки, одна из которых дотягивалась до берега, а три остальных обрывались прямо в россыпи кувшинок.

Я уже почти ступила на галерею, как вдруг услышала, как идущий позади О'Шиннах сбился с шага и что-то едва слышно пробормотал.

– Вы что-то сказали, лейтенант?

– Странно, – в очередной раз выпав из образа невозмутимого аристократа, повторил Аллан. – Внутри беседки, справа...

– Вы про штурвал и телескоп на штативе? – уточнила я. – Нетипичные для чайного домика предметы, согласна, но ведь вашим аристократам присуща эксцентричность. Возможно, выпив чашку... м-м-м, чая, лорд Оук любит поиграть в навигатора чайного клипера?

– Возможно, – холодно-скужающая маска вновь прилипла к лицу, но у меня возникло твердое ощущение, что сейчас из-под нее выглянул совершенно иной человек. Я-то со своим хваленым эльфийским зрением не обратила внимания на «нетипичные предметы». И, если задуматься – лейтенанта послал ко мне *Кард*.

Наличием штурвала странности не ограничились – у входа в павильончик отсутствовал слуга, а попытавшись открыть легкую с виду дверь, я чуть не сломала ноготь – и потому сочла за лучшее расслышать негодующий возглас О'Шиннаха и позволить тому исполнить обряд своего любимого этикета. Правда, выполнить его с подобающим изяществом у лейтенанта тоже не вышло. Снабженная мощной пружиной, дверь поддалась, лишь когда покрасневший от натуги и злости Аллан уперся в нее всем телом.

– Милорд Оук...

– Проходите, джентльмены, – сидевший в кресле мужчина лет пятидесяти, на котором даже обычный шелковый халат выглядел словно мундир, при виде меня на миг запнулся, но почти сразу же добавил, – и леди.

Леди с трудом сдержала удивленный писк. Конечно, мания людей подражать своим так называемым «законодателям мод» часто делает их похожими друг на друга, но все же я не была готова к тому, что милорд в части «от шеи и выше» окажется почти точной копией моего бывшего начальника, окружного инспектора Паддока. Те же бакенбарды, та же «почтенная» седина на висках... правда, румянец на видимой части щек свидетельствовал, что Бентинк заметно больше времени проводит на свежем воздухе. А вот с холестерином у милорда неважно. Окружной инспектор регулярно устраивал себе «экономические дни», заменяя трактирный обед полдюжиной захваченных из дома вареных яиц – а лорд Оук явно не привык отказывать себе в хорошем вине и прожаренной отбивной.

Впрочем, долго пялиться на хозяина, насколько я помнила пресловутый этикет, почталось неприличным – и леди с любопытством огляделась по сторонам.

Кроме кресла с лордом и пресловутого штурвала с телескопом, в павильончике находилось два столика, один из которых занят шахматной доской, диванчик и несколько плетеных эльфийских полукресел. И никого, подходящего на роль прислуги. Застывший у столика с доской темноволосый молодой человек хоть и одет неброско: серые брюки, кре-

мовый жилет, галстук подколот обычной бронзовой булавкой – но при этом явно не был и *непростым* слугой. Тут я могла смело держать пари на месячное жалованье: даже личный слуга главы Дома Бентинк не будет пользоваться духами «Императорская Полночь» – с черным перцем и черными же розами в «ноте сердца»... и ценой в двадцать скаттеров за крохотный флакон.

– Мой младший сын, – юноша коротко кивнул, – будет присутствовать при нашем разговоре.

Вообще-то я предпочла бы допрашивать свидетелей поодиночке, но здесь явно был не тот случай, когда пожелания какого-то там полицейского инспектора могли быть восприняты всерьез. Лейтенант ничуть не кривил душой, говоря, что сам факт согласия на подобный разговор уже является чудом, достойным занесения в анналы.

– Марк, не стой столбом...

– Мисс... – юноша взялся за плетеную спинку, однако перемещать кресло ближе ко входу не стал.

– Благодарю... – промурлыкала я, садясь и с трудом удерживаясь, чтобы не свернуться в привычную позу, поджав ногу и опершись локтем на колено. Хотя на мне и брюки, но не стоит дразнить гусей... с лейтенантскими погонами.

Как выяснилось, присела я очень вовремя. Марк подошел к штурвалу, провернул его – внизу, под настилом, что-то негромко скрипнуло в ответ – чайный домик слегка накренился и под барабанную капельную дробь воспарил над водой. Еще пол-оборота штурвала и скорость подъема ощутимо возросла – шелест листы и запахи трав остались внизу, холодный ветер, отшвырнув занавески, ворвался в распахнутое окно. Шуршание и скрип стали громче, к ним добавилось мерное постукивание и – свист? Именно – последний кусочек мозаики лег на свое место и я «увидела», как под моими ногами виток за витком разматывается с барабана толстый канат.

Примерно в трехстах футах над водой Марк застопорил штурвал и вернулся к моему креслу, встав позади – как подсказала моя обострившаяся паранойя, вовсе не затем, чтобы оказывать даме мелкие услуги.

– Похоже, – с довольной усмешкой произнес Оук, – слух о моей игрушке пока не успел распространиться. Как видите, лейтенант, сплетни о моем консерватизме не совсем верны. Я не люблю прогресс ради одного лишь прогресса... погоню за модой, сиюминутными мыльными пузырями. Иное дело, когда новшество несет явную пользу... пусть даже и невидимую на первый взгляд, как этот летающий домик.

– Скорее, неслышимую, милорд...

– Совершенно верно, – кивнул Оук. – И в моем особняке стены имеют уши, а в зарослях парка слишком уж много укромных мест для любителей чтения по губам... только за прошлый год мои сторожа поймали троих. В небе же я могу говорить спокойно... по крайней мере, пока сородичи вашей прекрасной спутницы не подучили своих воронов. Итак, – лорд подался вперед, грозно сведя брови, – к делу, лейтенант!

– Милорд Оук, – прижав ладонь к груди, прочувствованно начал О'Шиннах, – мы были по поручению полковника Карда, дабы выразить вам...

– Стоп! – резко перебил Оук. – Давайте условимся сразу, лейтенант, все церемонии остались там, внизу, на земле. Ваш Кард, а уж тем более вы двое не были даже знакомы с Артуром, и не стоит рассказывать мне лицемерные сказки о том, какой трагедией для вас стала его смерть. И у вас, и у меня время стоит слишком дорого, чтобы растрачивать зря.

– Как пожелаете, милорд.

К моему удивлению, О'Шиннах был ничуть не шокирован фразой старого лорда. Скорее он выглядел... повеселевшим?

– Я согласился принять вас лишь потому, что за вас просил мой старый друг, – продолжил Оук, – а также потому, что я верю в искренность вашего начальника. Хотя мы с ним и расходимся во мнениях по многим вопросам, у меня нет сомнений в его преданности Арании... как и у него – в моей, я надеюсь.

– Главный ваш камень преткновения, – мягко добавил Марк, – что именно считать Аранией.

– В смысле? – шепнула я.

– Полковник – верный пес Ее Величества, – ничуть не удивившись, прошептал в ответ юноша, – отец же полагает, что короли приходят и уходят, а Дома были и остаются основой Арании.

– А что полагаете вы сами?

– Они ошибаются. Оба.

Я с любопытством оглянулась на собеседника, но тот лишь подмигнул мне. А жаль... весьма интересно узнать, насколько далеко зашел потомок одного из домов. Либеральные идеи сейчас в моде у молодежи.

Задумавшись, я пропустила несколько реплик из диалога Оука и О'Шиннаха. Впрочем, пока это были пробные выпады – лорд и лейтенант, как два опытных фехтовальщика, медленно прохаживались вокруг темы разговора, изредка проверяя выпадом реакцию оппонента.

– Я не очень пристально следил за делами племянника, – старый лорд широко повел рукой. – К чему? Артур был вполне самостоятельным человеком... по мнению некоторых из нас – даже излишне самостоятельным. Поэтому единственное, что я могу сейчас заявить уверенно: ни в одном из текущих начинаний Дома Артур не играл ключевой роли.

– Однако занимаемый им пост все же давал Бентинкам некое преимущество, – вкрадчиво заметил О'Шиннах. – Сэр Фенланд, к примеру, оказался крайне расстроен новостью о высоком содержании гелиона в болотном газе... как раз после того, как он продал вам почти три тысячи акров своих бросовых земель.

– Думнонского Борова подвела собственная жадность, только и всего! – равнодушно бросил лорд. – С любым другим фокус бы не прошел... или, по крайней мере, мне пришлось бы дать *настоящую* цену. Фенланда же достаточно было лишь поманить ценой чуть выше, чем обычно предлагают за бросовые земли – а дальше он все сделал сам, едва ли не насильно, – лорд Оук широко улыбнулся, став похожим на камышового кота у добычи, – заставив меня подписать контракт.

– Возможно, сэра Фенланда и подвела жадность...

Что-то странное послышалось мне в голосе лейтенанта. Еле заметное, почти на грани даже для эльфийских ушей, похожее на глухой подземный рокот. Показалось? Или под каменной маской где-то глубоко внизу и в самом деле клокочет яростная лава?

– ...но, милорд, ваша информированность сыграла ничуть не меньшую роль.

Оук ответил не сразу. Тяжело поднявшись, он взял прислоненную к креслу трость и, налегая на нее, прошаркал к окну.

– Глупо не признавать, что *мы* использовали те преимущества, которые давала нашему Дому занимаемая Артуром должность. Столь же глупо, как не использовать их. Но вы и ваш полковник прекрасно знаете – все было в рамках... пусть не законов, но неписаных правил Игры. В противном случае Кард явился бы сюда лично... и не утруждал себя любезным тоном.

– По большому счету, – снова заговорил Марк, – наши действия, с какой стороны ни глянь, пошли на благо Арании. У сэра Фенланда совершенно точно не было свободных оборотных средств, которые он мог бы вложить в газовый завод. В лучшем случае, он сумел бы занять эти деньги... а зная его, несложно догадаться, как бы это сказалось в итоге на

стоимости газа для казначейства Ее Величества. Дом Бентинк же может позволить себе не гнаться за выжиманием сиюминутных прибылей.

– Что возвращает нас к вопросу, – О’Шиннах, подойдя к шахматной доске, взял одну из снятых фигур и принялся нарочито внимательно рассматривать ее, – кому выгодно лишить Дом Бентинк вышеупомянутого... позиционного преимущества?

– Вам продиктовать список или просто подарить геральдический атлас? – саркастически осведомился Оук. – В Игре и самым преданным союзникам не стоит подставлять спину без кольчуги. Плохой вопрос, лейтенант, плохой.

– В таком случае, я переформулирую, – О’Шиннах как-то хитро крутанул запястьем, и фигурка в его руке вдруг пропала, словно растворившись в белизне перчатки. – Кто мог бы избрать столь нетрадиционный способ?

– Уже лучше, – хмуро кивнул старый лорд. – Наши основные соперники – Даремы или Сайки, к примеру, скорее бы предпочли сместить Артура и посадить в его кресло своего ставленника, показав тем самым нам – и всем прочим – свою силу. Более мелкие игроки могли бы попытаться... но я сомневаюсь, нет, не верю в подобную смелость.

– Почему? – не выдержала я, и тут же заработала полный немого укора взгляд лейтенанта.

– Для младшего Дома риск неоправданно велик, – пояснил Марк. – Убийство – не на дуэли, не кровная месть... и ради чего? Сейчас не времена Ковровых войн или Дженниса-самозванца, никто из старших Домов не станет прикармливать отщепенцев. Слишком уж много можно потерять, если правда выплывает наружу.

– Звучит разумно, – признала я. – Но люди не всегда действуют разумно.

Вопреки моим ожиданиям, за этой фразой не последовало криков ярости и возмущения. Люди... начали смеяться. Или хотя бы улыбаться, как О’Шиннах.

– Слова настоящей Перворожденной, – лорд Оук, тяжело дыша, оперся на раму. – Эльфы всегда славились деликатностью.

– То ли дело гномы, – подхватил Марк. – Будь здесь один из бородачей, он сказал бы м-м-м... что люди очень изредка действуют разумно.

– И был бы совершенно прав. К слову, Марк, если на следующем заседании малого тинвальда старик Ожье вновь попытается взять слово...

– Непременно попытается, отец. Последние шесть лет это столь ж обыденное явление, как приход рассвета после ночи.

– ...предложи ему пройти освидетельствование в Бетлеме.

– После двух лет общения с нашими заслуженными пнями мне самому стоило бы показаться доктору, – посерьезнев, отозвался Марк. – Уж теперь я понимаю, почему ты в молодости сбегал то на войну, то в колонии. По сравнению с нашими законотворцами даже орки выглядят светочами разума.

– Тоном ниже, Марк, тоном ниже, – сам лорд Оук, впрочем, и не думал понижать голос. – Не забывай, здесь все-таки два офицера при исполнении.

– А вы разве что-то говорили? – удивленно произнес О’Шиннах. – Право, мне так неловко... мы с мисс Грин так увлеклись наблюдением за, гхм, – лейтенант замялся, пытаясь подобрать среди обстановки домика наиболее достойный столь пристального внимания предмет.

– Паутиной за окном, – фыркнула я. Популярное среди людей поверье, что каждый эльф ежедневно посвящает не меньше часа созерцанию капель росы на паутине, на мой взгляд, являлось одним из самых глупейших.

– Возвращаясь к рудной жиле, как говорят наши подгорные друзья... – Марк тоже подошел к доске, однако фокусов демонстрировать не стал, а просто сделал ход белой пешкой. – Разумеется, нельзя исключать, что мы имеем дело с внелогичным поступком. Но известные

нам крупные игроки... скажем так, многие среди них дураки, но полных идиотов там не имеется... к сожалению.

– А если...

– Достаточно, инспектор, – прервал меня О’Шиннах. – Если милорд и сэр Марк утверждают, что причина смерти сэра Артура лежит вне политики, значит, именно так и обстоит дело. Что, – развернулся он к старому лорду, – приводит нас к следующему пункту. Молодой аристократ, ничуть не стесненный в деньгах...

– Светскую жизнь Артура трудно было назвать иначе, как полудохлой. – Оук также подошел к доске, несколько секунд рассматривал позицию, а затем, едва заметно усмехнувшись, двинул вперед черного ферзя. – Театр, два клуба... званые обеды он устраивал раз в год, если не реже.

– Близких друзей, насколько мне известно, у него не имелось вовсе, – заметил Марк, – только приятели по службе...

– ...и рыболовы! – неожиданно добавил старый лорд. – Артур не любил охоту, но был заядлым рыбаком и в сезон мог неделями пропадать на своей яхте. Он даже приз какой-то выиграл...

– Почетная медаль за первого синего марлина в сезоне, – подтвердил Марк. – С ними тогда еще был репортер из местной газеты, Миллер, кажется.

– Эрнест Миллер из «Восходящей звезды»? – уточнила я. – Среднего роста, с усиками, все галстуки в клеточку, перебарщивает с тюльскими одеколонами...

Марк с виноватым видом развел руки.

– Ничем не могу помочь, мисс. Я уже сказал все, что знаю о нем.

– А как обстояло у вашего племянника с *личной* жизнью? – задал следующий вопрос О’Шиннах. – В двадцать восемь лет можно не иметь близких друзей, но... – лейтенант, не закончив фразы, покосился в мою сторону.

– Отец ведь упомянул театр, не так ли? – Марк выдвинул еще одну пешку. Похоже, они со старым лордом начали разыгрывать какую-то уже известную обоим партию. Слишком уж сократились паузы между ходами. – Богатый аристократ и юная актриса, что может быть естественней...

– Только не менее юная горничная, – со стороны могло показаться, что лейтенант поддерживал шутку Марка, однако я вновь уловила в голосе давешние «закипающие» нотки. – Быть может, сэр, вам даже известно имя счастливой избранницы?

– Мне не известно, существовала ли она.

– Артур испытал сильное потрясение в юности, – вороной жеребец старого лорда лихо перескочил через ряд своих пикинеров и угрожающе оскалился на вражеского рыцаря. – Он был помолвлен с Эмили Аттвуд, брак по договоренности, но молодые люди были знакомы с детства и симпатия между ними уже успела перерасти в нечто большее. Во всяком случае, когда Эмили буквально за полгода до свадьбы слегла от пневмонии, это стало для него большим ударом. Наняли лучших врачей, отчим Эмили под наше поручительство приобрел невероятно дорогое эльфийское, – кивок в мою сторону, – лекарство, и оно помогло, девушка начала поправляться – но спустя неделю вдруг приключился еще один кризис, которого бедняжка уже не пережила.

– Даже наши лекарства не способны творить чудеса.

– Но многие ждут именно чуда от крохотной склянки за тридцать тысяч броудов, – старый лорд вновь отошел к окну. – В тот раз лекарство просто запоздало... организм успел слишком ослабеть. Но будь цена ниже, были бы спасены тысячи других жизней.

Ну вот, опять знакомая песня: во всех людских бедах виноваты жадные эльфы/гномы и так далее.

– Будь у нас возможность черпать панацею ведром из реки, как делают ваши лекари со своими «патентованными» снадобьями, мы б непременно снизили цену! – привычно парировала я. – А будь у ваших властей хоть малейшее желание слушать наши советы по части элементарной санитарии, вы бы спасали не тысячи, а десятки тысяч жизней! Хотя, конечно, – с усталой тоской добавила я, – вам-то что с того?

Последняя фраза была ошибкой – я поняла это по тому, как разом напряглись Марк и лейтенант, еще до того, как старый лорд начал свой ответ.

– Мой второй сын погиб в Красных лесах, – голос Оука был сух и спокоен, – царапина от гоблинского дротика... отравленного или просто в рану попала грязь. Будь у полкового врача ваши моховые повязки, Брандон остался бы жив.

У меня тоже имелся ответ. Не рвись Арания приумножить свои заморские владения, сыну Бентинка не пришлось бы умирать под чужим небом. Однако говорить такое вслух было бы еще большей глупостью – наверняка Оук и без того прекрасно знал свою долю вины в гибели сына – и многих других.

Вместо ответа я молча встала из кресла, коротко поклонилась и прошла к ближайшей двери на галерейку. Тугая пружина неохотно поддалась, – больше усилиям подскочившего Марка, – глухо звякнула за моей спиной, вновь запечатав стеклянную корзинку, и я осталась наедине с небом. Шаг, еще один... на двадцать первом шаге галерейка закончилась, дальше была только пустота. Можно сесть, свесить ноги, а затем осторожно заглянуть в бездну – пятнадцать вдохов, не больше! Земля умеет манить своих детей, пусть даже некоторые из них и научились обманывать ее силу.

В детстве я очень любила забираться на верхние ветви родового дерева. Детство прошло, а привычка осталась – очень уж удобно предаваться размышлениям там, куда за тобой почти никто не рискнет залезть.

* * *

– Вы хорошо подумали, инспектор?

– Поверьте, полковник, у меня была просто великолепная возможность подумать, – промурлыкала я. – Именно поэтому я и говорю столь уверенно.

В кабинете нас было четверо: я, полковник, О’Шиннах и тихо примостившаяся на стуле в углу шатенка, представить которую Кард пока не счел нужным. Меня же она заинтриговала с первого взгляда, главным образом тем, что я не смогла с ходу классифицировать ее наряд. Нижняя часть – сапожки с высоким голенищем и обтягивающие брюки – могла быть частью костюма для верховой езды, а вот шелковая корсетная блузка с короткими рукавами... причем в строгих темных тонах. Аранийские аристократы вроде нашего лейтенанта цвет темнее синего готовы терпеть лишь в мундирах, а женщины – лишь во время траура. Слишком скромно для дворянки, слишком хорошо для простолюдинки...

– Но вы же не слышали часть разговора! – не выдержал О’Шиннах.

– И что с того? Уверена, я ничего не потеряла. Вы же, сэр, – полковник замер с недогрызенным карандашом в зубах, – сами знаете, что смерть Артура связана лишь с работой в Адмиралтействе. Ни с политикой, ни с любовными похождениями, ни с карточными долгами... да и к тому же, такие сведения гораздо проще и надежнее узнать от слуг... среди которых у вас и так имелся доносчик, верно? А к Оуку вы нас вовсе не за информацией посылали.

– А зачем же? – по тону полковника сложно было сказать, доволен он или собирается стереть меня в порошок.

– Для демонстрации, – буркнула я. – Тот монструозный экипаж, на котором нас прока-
тили, наверняка стал предметом для сплетен половины Клавдиума. А еще – за несколькими
фразами – единственными, которые действительно имели значение.

– И какими же именно? – снова влез лейтенант.

– Последними.

– Кое-что напоследок, – внешне лорд Оук оставался спокоен, однако я заметила, как
побелела от усилия рука на трости. – Кто б ни оказался убийцей... и какой бы ни была при-
чина... помните, что Дом Бентинк готов предоставить вам любую поддержку. И еще... может
случиться так, что собранных вами доказательств окажется недостаточно для королевского
правосудия. Если это произойдет, вспомните, что сказал Уильям Моррей накануне битвы
при Инверари.

– Мятезный граф тогда произнес довольно длинную речь, – отозвался лейтенант. –
Но я догадываюсь, милорд, о чем вы хотите сказать. У короны нет монополии на справед-
ливость! Можете не волноваться – эти слова я запомнил очень давно.

Глава 6

В которой инспектор Грин стучится в дверь.

– Можно войти, сэр?

Вопрос частично запоздал, потому что задавшая его голова – рыжая, вихрастая, в очках с треснувшим стеклом – в кабинете уже появилась. Как я уже успела узнать за последнее время, подобная манера совать нос и остальные части тушки *без разрешения* быстро и надежно приводит эльфа в состояние «сейчас что-то откушу!». Но полковник либо имел более крепкие нервы, либо уже смирился с тем, что некоторых особей проще убить, чем воспитать.

– Конечно, брат Винсент.

Удивиться появлению у Карда церковника я толком не успела – протиснувшееся вслед за головой тело было наряжено не в сутану, а в рабочий халат, когда-то темно-синий. Когда-то – потому что в сравнении с ним давешняя куртка Тайлера выглядела образчиком чистоты. На потрепанной ткани наличествовала целая коллекция пятен и дыр, наглядно свидетельствующая: во-первых, брат Винсент использует одежду в качестве полотенца для рук во время работы, а иногда и в роли половой тряпки. Во-вторых, его работа имеет прямое отношение к химии – кислоты, щелочи, ну и все такие прочее. Ну а в-третьих, брат Винсент любил в рабочее время побаловать себя пончиками с сахарной пудрой... а в нерабочее, судя по щуплому виду, вообще забывал о необходимости что-то есть.

– Я достал то, что вы просили, то есть приказали, сэр. Правда, мне пришлось...

– Подробности расскажете после, – отмахнулся Кард. – Главное – дело сделано.

– Да, сэр, – забормотал Винсент, просачиваясь вдоль стены к ближайшему стулу, – но я хотел сообщить вам...

– Аллан, что ты скажешь? – карандаш полковника развернулся к лейтенанту. – Насколько Оук был откровенен с вами?

– Глава одного из пяти нынешних Великих Домов Арании не может быть откровенен даже с собственным отражением в зеркале, – скучающе-поучительно произнес О'Шиннах. – Убит ли он горем или счастлив избавиться от докучливого племянника – все вокруг смогут увидеть лишь ту маску, которую он сочтет подобающей случившемуся.

Интересно, подумала я, зачем все-таки Кард взял к себе это чудо в мундире? Должны же быть какие-то разумные причины.

– Лейтенант О'Шиннах... – после короткой паузы медленно процедил полковник. – Понимаю, что вы недавно разговаривали с главой одного из пяти нынешних Великих Домов Арании, – Кард мастерски симитировал интонацию собеседника, – но лично мне хотелось бы услышать от вас нечто менее банальное.

– Виноват, сэр. Мое мнение – лорд Оук не очень-то откровенничал с нами. Они с сыном разыграли для нас неплохой спектакль... но так и не сказали ничего действительно важного. И, сэр, если вам интересны мои предположения: старший Бентинк изрядно растерян и подавлен произошедшим.

– Даже так? – Кард быстрым движением что-то пометил на листике перед собой. Насколько я могла разглядеть, клочок бумаги был уже весь изрисован подобными пометками: крестиками, звездочками, цветочками... не говоря уж о буквах и рунах. – И что же именно подтолкнуло вас к такому выводу?

– Вывод не только из разговора, сэр. Глава дома Бентинк славится тем, что спешит медленно... и бьет наверняка. А сейчас он сделал ход почти сразу же...

Быстрые шахматы, вспомнила я. Быть может, это была не заранее известная комбинация, как я подумала, а намек?

– Вы что-то хотите возразить, инспектор?

– Что? Скорее добавить, сэр. То есть, – я окончательно запуталась в словах и чуть не перешла на родной эльфийский, – я хотела сказать, что сказанное лейтенантом отчасти подтверждает искренность Оука. Описанные симптомы могла вызвать лишь новая, непривычная угроза. Если бы он точно знал, что смерть лорда Артура – результат очередного хода в привычной ему игре, растерянности бы не было. Как и подавленности, сэр. Думаю, она вызвана тем, что Оук опасается следующего удара неизвестного противника. Уже по себе.

– Тут мы могли бы успокоить милорда, – желчно заметил Кард. – Его имени в *списке* нет.

– Э-э... – Винсент, словно застенчивый ученик, робко вытянул палец, – позвольте заметить, сэр...

– Что еще, брат Винсент?

– Я просто хотел заметить, сэр, что наш противник вовсе не обязан руководствоваться исключительно *списком*. Совершенно не факт, сэр.

– Но до сих пор, – возразил О'Шиннах, – он руководствовался именно им.

– А разве мы можем быть уверены? – Винсент улыбнулся широкой радостной улыбкой, словно только что сообщил нам о дне Прощания с Зимой или о находке кошелька с тремя сотнями полновесных золотых наггетов. – Нас должны извещать обо всех чрезвычайных происшествиях и странных смертях. Однако вспомните, второй и пятый случаи: утопленник во время прогулки на лодке и жертва уличных грабителей – ничего необычного, не будь они в *списке*, для нас эти случаи так и остались бы строчками в полицейской сводке. И кто знает, сколько уже осталось. А представьте, что случится, если лорд Оук действительно станет следующей мишенью.

– Вы готовы свалиться в паранойю, – отмахнулся лейтенант. – С таким подходом в скором времени мы в каждом свалившемся в канал пьянчуге будем видеть происки Врага.

– Тем не менее, – Винсент поправил очки, – как ученый, я счел нужным обратить ваше внимание и на этот аспект.

– И мы благодарны вам, брат! – веско подытожил полковник.

– Но предпринимать ничего не будете?

– Не буду, – подтвердил Кард, ставя на листик очередной крестик. – Охранники дома Бентинк вряд ли нуждаются в наших советах... да мы и не можем предостеречь их от конкретной опасности.

Смятый листок пролетел через комнату, шлепнулся о стену, отскочил и свалился в корзину. Кард выдрал у лежащей рядом «тетради капитана Блока» еще один лист и принялся сосредоточенно заполнять верхнюю линию аккуратными звездочками. Все остальные, не исключая и меня, с благоговением наблюдали за ним, ожидая, пока на очередной звездочке на полковника снизойдет божественное откровение. Наконец Кард закончил ряд... и тут же принялся за следующий, треугольный. За ним последовал крестиковый, грушевый, полумесячный... после которого полковник снова принялся грызть карандаш.

– Брат Винсент...

– Да, сэр.

– Познакомьте инспектора с вашей добычей, – судя по голосу полковника, карандаш был очень вкусный, особенно грифель. Учитывая, что последний раз мне удалось поесть еще прошлым вечером, перед выходом на дежурство, мысль показалась мне заслуживающей внимания. В конце концов, едят же древесину бобры...

* * *

– А вот и моя скромная обитель! – объявил брат Винсент с видом короля, небрежно представляющего свой новый летний дворец. – Правда, – смущенно добавил он, – тут немного не прибрано...

«Много» в понятии Винсента, по всей видимости, означало «когда из-за мусора уже нельзя пройти!». Пока же по углам и под столами еще оставалось место для сгребания, в помещении царил просто «небольшой беспорядок»... или хорошо организованный хаос. Три четверти небольшого зала занимали столы и шкафы с различным оборудованием, по большей части мне совершенно незнакомым. Углядев среди непонятных стеклянно-медных зарослей дистиллятор Терхала, я обрадовалась творению гномского мастера, словно старому другу. В дальнем же от входа углу затаился, выставив на свет лишь часть закоптившегося пуза, здоровенный паровой котел, свивший вокруг себя настоящую паутину из приводных ремней и цепей.

– У вас тут лаборатория, верно?

– Частично... – пробормотал Винсент и замер, озабоченно принохиваясь. – Иногда приходится работать по металлу, выполняя некоторые специфические... м-м-м...

– Кажется, воня... пахнет из того угла, – заметила я. – Чем-то вроде хорошо вываренного... гм, навоза.

– Святой Гермес! – мой экскурсовод сорвался с места, метнулся в проход, едва не надевшись на тиски – и скрылся за рядами стеклянных трубок. Почти сразу же из-за них донесся звон, затухающее шипение... сдавленное «ой-ой-ой!», тихий хлопок и бульканье – а затем волна запаха накрыла меня, и я поняла, что раньше в лаборатории действительно всего лишь *пахло*.

– Прошу прощения, – Винсент вынырнул откуда-то сбоку, – небольшая проблемка...

В правой руке, чуть на отлете, незадачливый химик держал пузатую колбу, в которой еще продолжала слабо пузыриться буро-зеленая жижа. С каждым шагом вонь становилась все сильнее.

– Задержался у полковника и совсем забыл, что поставил смесь на возгонку. Теперь придется все... – Винсент остановился, задумчиво разглядывая упомянутое «все», горестно вздохнул – и решительным жестом опорожнил колбу в умывальник. Снова зашипело, на этот раз – резко, зло.

– Не волнуйтесь, он фарфоровый, – успокаивающе произнес Винсент, заметив, как дернулись мои уши. – Разъесть не успеет.

– А трубы?

– М-м-м... – химик на миг снова впал в задумчивость, затем вернулся к умывальнику и крутанул вентиль. Кран оглушительно прокашлялся и плюнул струей воды с цветом и запахом ржавчины. – Теперь точно не разъест. Скорее наоборот, прочистит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.